

Эстейси Тисдейл

Цветочный супермаркет

Стейси Тисдейл

Цветочный супермаркет

«Издательские решения»

Тисдейл С.

Цветочный супермаркет / С. Тисдейл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936959-8

Хобби может стать работой мечты, а работа мечты — рутиной. Утопая в рутине, уже не хочется прикладывать усилий, не получаешь наслаждения от того, что делаешь. Написание книг для Кристины Томпсон превращается в обычную угнетающую работу уже в двадцать пять. Она устает, теряет энтузиазм и не может больше продолжать работу под давлением издательства. Глядя на это, родители отправляют ее на отдых в Германию. Отправляясь туда, она и подумать не могла, что цветочный супермаркет может изменить ее жизнь.

ISBN 978-5-44-936959-8

© Тисдейл С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	12
3	17
4	22
5	28
6	32
Часть 2	39
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Цветочный супермаркет

Стейси Тисдейл

*Тот, кому посвящена книга, знает об этом
(или узнает).*

2017

© Стейси Тисдейл, 2018

ISBN 978-5-4493-6959-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

«Через тернии к звездам»

1

Кристина

Звон утренней чашки кофе о небольшой деревянный стол служит сигналом всему остальному о том, что новый день официально может начаться. Почему именно чашка кофе, а не первые лучи солнца удостоенна такой чести? Потому что я не из тех, кто встает с первыми лучами. Я не сова и не жаворонок. Как ни странно, таких людей называют голубями, уж не знаю, почему именно так. Сразу же после звона включился привинченный к стене плоскоэкранный телевизор, в котором миниатюрных размеров мужчина вещал Англии о последних событиях неугомонного мира. «Прошлым вечером состоялась игра между Манчестером и Арсеналом. Счет 5:3 в пользу Манчестера...» Отломив вилкой кусочек яичницы и сунув в рот, я повернула голову в сторону выходящего на двор окна. Пожухлая желтая трава колыхалась от нескончаемого ветра, голые растопыренные ветви деревьев дрожали, отпугивая жирных воробьев. В радиусе мили не было ни души, и запросто можно было подумать, что все жители покинули свои дома, собрав чемоданы и уехав в какое-нибудь теплое местечко. Унылый вид Брэдфорта разбавляло лишь голубое небо с пригревающим весенним солнцем. Но мысленно я была совершенно в другом месте. В голову уже лезли безостановочно перестраивающиеся описание, действия и диалоги, которые непременно нужно было записать. Наскоро дожевав завтрак и выпив кофе, я села за ноутбук, быстро забегав пальцами по клавиатуре, повторяя про себя каждое хорошо продуманное слово, чтобы не забыть второпях, как это обычно бывает. Слова, строчки, страницы... Таким образом я провела все утро, пока в дверь не раздался звонок, напоминающий бой колоколов в часовне. На пороге стояла Тейлор.

Она посмотрела на меня, затем заглянула мне за спину, потом снова уставилась на меня.

– Опять пишешь, – сделала она вывод.

– Ну и как узнала? По красным глазам, или появились экстрасенсорные способности?

Тейлор слегка призадумалась.

– Я бы сказала про способности, но ты опять посуду со стола не убрала.

Я усмехнулась, пропуская гостью с широким серым шарфом на шее в дом. По заученной схеме Тейлор остановилась, обводя быстрым взглядом обстановку в доме и одновременно снимая лиловое пальто. Бьюсь об заклад, в ее голове уже есть план всего, за что она будет ругать меня и что сама в результате уберет. У некоторых людей перфекционизм в крови.

– Гринбери опять повздорили, – начала она. – Всю ночь не давали поспать, начиная с вечера. Кажется, Уильям опять обменял что-то из ее драгоценностей в ломбарде.

Я вернулась к ноутбуку, но поняв, что мысль безвозвратно утеряна, и теперь ничего с этим не поделаешь, стала слушать подругу.

С Тейлор Джеймс мы знакомы со средней школы, жили неподалеку друг от друга, и сквозь года эта вещь не изменилась: даже переехав из Лондона в графство Уэст-Йоркшир, мы живем через четыре дома. Как и любая дружба, наша пережила ссоры, обиды, разлуку, непонимание, подростковые заскоки, приведя нас в один город и поселив рядом, чтобы Тей могла каждое субботнее утро навещать меня со свежими сплетнями и нарушающим идиллию «тихой гавани», как выразилась сама подруга, своим звонким возбужденным голосом детсадовской истерички.

– Не понимаю, как ты до сих пор с ума не сошла в такой тишине, – каждый раз повторяет Джеймс.

В отличие от моего дома, в ее доме всегда стоит шум и гам, и отнюдь не из-за рано введенных детей. Просто привычка оставлять одновременно включенным телевизор в гостиной и радио на кухне, кажется, неизлечима. Уж не знаю, как Тео выносит это.

С Теодором Расселом Тейлор познакомилась на втором курсе колледжа. Обычная история о парне, который на два года старше, и девушке, влюбленной по уши. Их свела общая любовь к фильмам ужасов и байкам. На первом свидании Тео повел Тей на мотогонки, выбрав беспроектный вариант, и окончательно влюбив в себя впечатлительную второкурсницу с окраины Лондона. Но, конечно же, на этом он не остановился, решив прыгнуть выше головы и купить собственный мотоцикл. Парень не был из состоятельной семьи, где можно взять банковскую карточку и когда вздумается помчаться за новенькой моделью «YAMAHA» в ближайший дилерский центр. Теодору пришлось устроиться на две работы и быть там, помимо учебы в колледже, чтобы потом купить старенький подержанный чоппер, постоянно требующий починки и замены масла. Но Тейлор была от него без ума. Не было и дня, чтобы не рычал мотор, пока влюбленная парочка нарезала круги вокруг кампуса. Они оба приходили в восторг каждый раз, обращаясь с мотоциклом как с родным ребенком. Годы шли, куплен общий дом, но выйти замуж возлюбленный так, и не предложил. «Мы не хотим торопиться, – смеется Тейлор. – Незачем. Еще успеем состариться вместе в большой семье». Ну конечно, в двадцать пять жизнь только начинается, и ты хочешь чувствовать себя в это время насколько возможно свободным. Ха-ха, если у тебя нет работы, мигрени и вездесущей усталости.

– Тебе нужно выйти прогуляться, – заявила подруга, убирая с обеденного стола грязную посуду. Я одарила ее хмурым взглядом, а за тем так же посмотрела в окно. Небо стали затягивать тяжелые свинцовые тучи.

– У меня много работы.

– У тебя всегда много работы. Вот скажи, когда ты последний раз отдыхала? – (она выдержала короткую паузу, прищурившись на меня.) – Так и думала. Через час мы с Тео собираемся съездить по магазинам, и ты едешь с нами.

– Но я не могу! Мне надо закончить новую главу до понедельника. Аманда с меня три шкуры сдерет...

– Нужно хотя бы иногда выходить из своей конуры, Кристина, и проветривать голову. Вдруг, пока ты будешь ходить по бутикам, придумаешь что-нибудь новое? Да к тому же новое платье тебе не помешает. Скоро день рождения Стивена, не забыла?

Я закатила глаза, подперев голову рукой. Каждый год мой двоюродный брат Стиви Амелл устраивает грандиозные вечеринки по случаю своего дня рождения. «Двадцать три только раз в жизни!», «Двадцать пять больше не повторится!» И вот, теперь ему стукнет двадцать семь. Единственное двадцатисемилетие в жизни.

Ехать мне никуда не хотелось. Я хотела закончить то, над чем билась вторые сутки, и только потом устроить заслуженный выходной. С новыми главами в последнее время были некоторые затруднения, и по мере их появления разгоралось испепеляющее желание раз и навсегда их преодолеть. Но, как правило, исчезали одни – тут же появлялись другие.

Вжав шею сильнее в плечи, чтобы шарф как можно больше закрывал рот и нос, я скрестила руки на груди в попытках согреться, пока Тео проверял, закрыл ли он машину. Погода решила окончательно испортиться и отнять все надежды на столь желанное тепло. Меня каждый раз удивляло то количество разномастных автомобилей, длинными рядами громоздящихся на парковке местного торгового центра. Откуда их берется так много в таком сравнительно небольшом городишке? Протискиваясь между пыльными легковушками, мы, наконец, добрались до больших автоматизированных стеклянных дверей входа. Как только мы вошли, поток

горячего воздуха врезался нам в лица, обжигая порозовевшую после холода кожу. Из неумолкающей визжащими гудками парковки мы попали в не менее шумный торговый центр, где стоял неутихающий гомон голосов, и ко всему этому в каждом бутике играла своя музыка. Толпы подростков, молодых пар с детьми и даже стариков бороздили общие потоки туда-сюда; в воздухе витал запах жареного фастфуда. В какой-то момент мне показалось, что весь Брэдфорд собрался здесь сегодня. Я поморщилась.

– Значит так: мальчики по своим делам, девочки – по своим, – распределила Тейлор, а потом полезла в сумку и достала оттуда сложенный вдвое клетчатый листок бумаги и протянула его Теодору. – Вот. Не забудь купить продуктов.

Лицо парня приняло недовольный вид, испещрившись глубокой хмурой складкой меж бровей, но Тейлор упорно делала вид, будто бы вовсе не замечает этого. Она живо помахала на прощание рукой возлюбленному и, подхватив меня под руку, решительно зашагала на широких каблуках вдоль бутиков. Именно тогда я вспомнила, почему согласилась приехать сюда: потому что спорить с Тейлор Джеймс, как горох об стену.

Домой мы вернулись ближе к вечеру, когда платья были куплены. Все то время, пока мы рыскали по магазинчикам, перебирая уйму цветных тряпок разных фасонов и качества, подруга не переставала ворчать о маленьком выборе и причитать, что здесь все для застрявших в лихих восьмидесятых женщин. Нам пришлось потратить уйму времени и обойти каждый бутик дважды, а то и трижды, пересчитывая похожие между собой модели, выуживая короткие и длинные платья – венцы творения сетевых магазинов. Найти самое подходящее из всех ей удалось почти что перед самым отъездом. Мы с Тео практически умоляли Тейлор поехать домой, когда та юркнула в очередной «Top Shop» с обещанием, что если ничего не найдет сейчас, то на Единственное Двадцатисемилетие Стиви отправится в пижаме. И – о, аллилуйя! – она, наконец, купила платье сапфирового цвета чуть ниже колена.

– Как вам? – спросила подруга, выплывая из примерочной.

– Прекрасно! Сидит идеально, – залепетали мы, потому что ей оно действительно очень шло, а от части, потому что усталость брала над нами верх.

Со мной проблем было гораздо меньше. То ли из-за того, что мне просто повезло увидеть наряд практически сразу, то ли потому что выбор платья меня не особо заботил.

Дома намного тише. Дома нет бесконечной суеты, не пахнут гамбургерами из кафе быстрого питания. Здесь не играет вразнобой музыка и не толпятся слегка обезумевшие стайки людей. В этих стенах царят уют и покой, слышен лишь легкий скрежет веток дерева об оконное стекло. Я заперла входную дверь на засов, бросила ключи и пакет с покупкой на комод, снимая с ног усеянные каплями грязи сапоги. Твидовое пальто скользнуло с плеч и заняло свое законное место на вешалке, на кухне включился чайник. Я надела старенькие домашние тапочки, подаренные мамой еще на Рождество, и без какого-либо настроения поплелась к ждущему все это время на кофейном столике ноутбуку. На экране заменявшего людям мозги устройства высветились ряды мелких букв. Печатные строки заполонили белые листы несуществующей бумаги и обрывались на середине последнего. Именно на этом месте я остановилась утром, пока подруга детства не позвонила в дверной звонок и не вытащила меня из дома. Тяжелый вздох недовольно вырвался из груди. Глаза вновь забегали по рукописи, перебирая, казалось бы, уже вьевавшиеся в голову слова. Как молотом, по мыслям било напоминание «до понедельника». Осталось семнадцать часов до того, как новая глава должна появиться в электронном ящике у Аманды Стэндфорд – главного редактора издательства «Пингвин».

С одним из самых популярных издательств Англии я начала сотрудничать чуть меньше двух лет назад. Я закончила обучение на филологическом факультете в Лондоне и подумывала пойти в одну из местных газет на место редактора. У меня с детства имелось влечение к чте-

нию и написанию небольших рассказов, в школе мои сочинения не редко отмечались учителями особым содержанием и «живостью воображения», так что к тому моменту на моих руках уже имелаась первая книга. В какой-то момент я поняла, что хочу вдохновлять людей. На той первой работе, куда меня приняли после первого собеседования под предлогом острой нужды в грамотном редакторе, как-то незаметно завелся разговор о своих собственных сочинениях, и я пообещала показать свою книгу. Пару недель «Виниловый закат» гулял по рукам всего штаба. Коллеги выражали восторг, им понравилось читать о мою первую в жизни настоящую книгу! С каждым новым отзывом чувствовался прилив сил, вера в себя крепла ежедневно. Спустя еще неделю «Платиновый закат» оказался в руках директора той небольшой газетенки, в которой работали я и другие пятьдесят человек. Энтони Брукс, взяв стопку обычных листов А4, соединенных канцелярской прищепкой, сунул их в свой кожаный дипломат.

– Прочту дома, – объяснил он, щелкнув замками. – Сейчас дел невпроворот. Вы уже подготовили статью об угнанном джипе для печати, мисс Томпсон?

Через несколько дней он вызвал меня в свой заявленный бумагами кабинет, назвав мое имя привычным для себя сдержанным дикторским голосом. На его столе меж скомканных листов лежали и мои рукописи. Брукс положил на них свой широкий палец, легонько постукивал по страницам и, пристально глядя мне прямо в глаза, сказал: «Она должна иметь должное оформление, чтобы быть похожей на книгу». А за тем дал номер знакомого из крупного издательства, дал два выходных посреди рабочей недели с наказом показать работу «Пингвину». Так что Энтони Брукс один из тех, кому я обязана тем, что имею сейчас.

– Пока книга не будет одобрена ими, можешь не возвращаться, – конечно же, он шутил, но почему-то от его твердого баса по спине все равно пронеслись мурашки.

Еще через месяц на электронную почту пришло официально письмо от Аманды, моей нынешней начальницы. Сухим официальным языком был выведен текст, повествующий о ее желании встретиться со мной для беседы на счет книги в любое удобное время до 19:00. Мы встретились на следующий же день (перед ним была ночь без сна, полная содрогającego тело волнения) и вскоре экземпляры искусно оформленного профессионалами «Платинового заката» поступили в первый книжный магазин недалеко от издательского дома.

Я была вне себя от счастья. Необыкновенный прилив сил и энергии охватили меня, я чувствовала, что смогу запросто сдвинуть с места горы. Сорвать с неба звезду казалось проще простого! Именно тогда я поверила в себя. От друзей и родственников поступали многочисленные поздравления, поздравляли и те, кто молчал уже несколько лет, не имея нужды звонить даже по праздникам. Я подписала контракт, причисляют мне 80%, к издательству 20 от продаж каждого экземпляра. У меня появилась новая работа. Самая великолепная работа! Нужно было лишь укладываться в срок с написанием новых глав и книг в целом. Дела стремительно пошли в гору всего за каких-то три месяца! Родители устроили торжественный ужин по случаю продажи сотни копий, заказав столик в одном из самых дорогих ресторанов города. Жизнь будто бы превратилась в сказку, и для этого не нужен был прекрасный принц и роскошный замок венецианской эпохи.

Никто не говорил, что будет *легко*. Написание книг легким посчитает только дурак, ни разу не приложивший реальных усилий. Новые идеи били фонтаном, воображение работало круглосуточно, без передышки проецируя в голове все новые и новые сюжеты. Я не успевала их записывать, день и ночь строча, корректируя новые абзацы. Как ребенок радуется новой игрушке, так и я приходила в восторг от того, чем занималась.

Сложности начались тогда, когда я перестала успевать заканчивать главы в срок. «Ничего, это просто небольшое опоздание» – говорила себе сидящая возле окна девушка, еще не знающая на тот момент о жесткости временных рамок. Поначалу опоздания казались мелочью, нередко списываемой на небольшую усталость от постоянной письменной работы, но со временем усталость переросла в стресс, после которого оставалось совсем немного

до тяжелого периода творческого кризиса. Любимая работа и хобби, некогда приносящая только удовольствие, стала изнуряющей. Я теряла энтузиазм, а книги – живость. С каждой новой они все больше мертвели, сколько бы строк не заменялось и сколько бы ни добавлялось прилагательных.

«Пингвин» требует главы, я пытаюсь оживить мертвеца.

Царящую в доме тишину нарушил звон мелких капель дождя, развивающихся о крышу и стекла, подпрыгивающих на асфальтированной дорожке возле дома и вовсе исчезающих в траве. Забытый чайник давно теперь уже успел остыть. То ли из-за ветров, то ли из-за неиспользования отопления воздух в комнатах стал неприятно холодным. Я поежилась, посильнее укутавшись в велюровый плед. Мысль о разожженном камине ютилась в душе, согревая ее слабым теплом. Отложив работу в сторону и встав с дивана, я подошла к камину, заглянув в корзину для поленьев, где осталось всего пару щепок. Подавить обреченный вздох не удалось. В доме дров совсем не осталось, а и без того холодные руки казались чистым льдом. Поэтому нужно идти за ними на улицу.

Дождь не прекращался, продолжая падать прозрачным занавесом с неба. На самом деле дождливая погода – моя любимая. Даже, несмотря на то, что в Англии дожди идут довольно часто. Они приносят с собой меланхоличную приятную грусть, навевают воспоминания, заставляет людей укрыться в своих домах под большим пледом с кружкой ароматного чая в руках. Открыв окно, чувствуешь свежесть, будто бы находишься в двух шагах от океана. Дождь – это музыка, созданная природой. Она успокаивает не хуже любой классики. Она и есть классика. Дождь вдохновляет. Огромное тяжелое полотно прорывали розовые пятна, тянущиеся от широкой фиолетовой ленты над горизонтом. Теперь все вокруг не казалось таким угнетающим и нагоняющим тоску. Я натянула капюшон от дождевика на голову и быстро зашагала по узкой дорожке к небольшой пристройке с поленьями в задней части двора. Как только корзина была наполнена, я вернулась обратно в дом.

Вскоре пасть камина разгорелась языками пламени, отбрасывающими на гостиную янтарный свет; постепенно становилось теплее. Сев в кресло рядом с очагом и подобрав под себя ноги, я стала всматриваться в танцующее пламя. Всего пяти минут отдохну, сказала я самой себе. В голове вновь закружился вихрь мыслей, моментально сменяющих друг друга, от чего голова начала тяжелеть, опускаясь на мягкую спинку. Лишь сейчас я поняла, насколько сильно устала. Веки тяжелели и смыкались, глаза неприятно щипало, обивка кресла вдруг стала казаться самой мягкой в мире, удобнее любой постели, похожей на пушистое облако, манящее в царство грез. Держать глаза открытыми стало непосильной задачей. Гремящие вразнобой одинаковые голоса в голове становились все тише и отдалялись – я окончательно провалилась в тонкие сети сна.

Не помню, как оказалась в офисном кресле из черной кожи, придвинутом к большому столу. Я прекрасно знала, где нахожусь, и почему-то неконтролируемая дрожь заставляла зубы тихо стучать, а пальцы впиться в пластиковые подлокотники до побеления костяшек. Мне очень страшно. Жарко. Хочется скорее сорваться с места и просто убежать подальше. Домой. Покинуть офис с унылым видом на вечно переполненный людьми и машинами перекресток. Я была бы не против даже выпрыгнуть из окна четырнадцатого этажа в самое жерло нескончаемого движения, все, что угодно, лишь бы не быть здесь. Но я не могу даже почесать нос. Два прищуренных зеленых глаза неотрывно прожигают мою плоть, жесткое лицо, испещренное в некоторых местах морщинами, приняло багровый оттенок. Женщина средних лет с еле прикрывающим шею каре плотно сжала тонкие губы – самый худший знак. Она раздражена, возмущена до предела и готова убить кого угодно голыми руками с дорогим маникюром. Аманда уперлась костлявыми руками в разделяющий нас стол. Я чувствовала себя самым большим

неудачником в мире. Никогда не верила в Бога, но все равно мысленно молилась ему о чем-то прямо в это растянувшееся мгновение.

– Почти год, – рывкнула Стэндфорд, заставляя меня подпрыгнуть на месте. – Почти год вы обещаете выпустить новую книгу. Я давала Вам отсрочку каждый раз, как только Вы заикались об этом. И что? Где результат? – с каждым словом ее голос становился все громче. – Мы заключили договор, дали Вам аванс с условием выпуска новой книги каждые полгода... Но Вы ничего не успели в срок! Вы, Кристина, никогда ничего не успеваете в срок! А знаешь, почему? – темноволосая женщина выпрямилась, сложив ладони вместе палец к пальцу, и на секунду замолчала. – Потому что Вы бездарность! Чертова бездарность, неспособная ничего делать вовремя! Вообще ни на что неспособная! И твои книги покупают только чтобы топить ими камин!

Аманда все кричала, срывая голос и становясь до невозможности красной. Откуда-то в офисе появился горящий костер и два экземпляра двух моих книг, в том числе и «Платиновый закат». Стэндфорд повертела первую в руках, снисходительно хмыкнула и без колебаний бросила ее в разъяренное пламя. Что-то холодное осторожно коснулось щеки и медленно показилось вниз. Нечто важное в один миг рухнуло внутри, нечто возводимое годами уничтожено в мгновение ока. Я сжала челюсть, пытаюсь подавить рвущиеся наружу эмоции. Если я открою рот, то не смогу остановиться, а если не смогу остановиться – разрушу все окончательно. Слезы единственные неподвластны мне. Они прокладывали дорожки по щекам, шее, пока глаза неотрывно смотрели на горящие труды. Кажется, они действительно горели синим пламенем.

– Только дурак мог написать такой бред!

Аманда Стэндфорд продолжала сыпать обилием оскорблений, брызгать слюной и сжимать книги, но не больше никто не слушал. Я погрузилась в свой мир – защитная реакция – ни о чем уже не в силах думать. Фоном зазвенел чужой голос. Горстка пепла орошила пол. Внутренности сжимались до предела, которым стало абсолютное опустошение.

– Вы никогда не станете достойным писателем!

Я резко раскрыла глаза, судорожно закрыв ротом воздух, озираясь по сторонам, словно дикарка. Тупая боль, волнение, пробегающие током по телу судороги все еще четко ощущались, сопровождаясь жаром. Лишь убедившись в отсутствии ряда забитых папками шкафов и кожаных кресел, я начала успокаиваться. Всего лишь страшный сон. По-настоящему страшный, по крайней мере для меня. От сглатывания накопившейся слюны затрещало в ушах. Рука прошла по растрепанным волосам. «Это всего лишь плохой сон, всего лишь плохой сон» – твердил внутренний голос. Я попыталась успокоиться привычным для себя способом – вообразить океан. Глаза были снова закрыты, но представшее передо мной даже отдаленно не напоминало раскачивающий волны океан. Ничто не желало становиться океаном, небом, или берегом. Лишь неопределенные цветные фигуры, напоминающие скомканную газету. Я изо всех сил старалась увидеть хоть маленький фрагмент... Ничего. Абсолютно ничего. Образ тут же рассыпался, не успев стать картинкой.

2

Наутро новая глава была отправлена в издательство. Я не знала, понравится ли им или нет, прочитают ли они главу с осатаневшими лицами, или будут восторгаться ей. Этим утром это не было важным. Важным было то, что я никак не могла представить даже самую простую картинку. Ни что не желало возникать в воображении, хотя на секунду. Будто бы я всю жизнь проходила с завязанными глазами и никак не могла вообразить себе окружающий мир таким, какой он есть на самом деле. Оно мучило меня с того самого момента, как жуткий сон разбудил посреди ночи. По заметкам мне все-таки удалось закончить главу, действия которой казались чем-то чужим и отдаленным. Настроение совершенно пропало. Его сменило удручающее опустошение. Желание делать что-либо вообще отсутствовало напрочь. Творческий кризис – самый тяжелый для творческого человека период – полностью поглотил меня. Я хотела писать, но что, с чего начать, как все должно выглядеть, и какие лучше применить обороты речи не знала. И от этого сильнее злилась. Хотелось дать себе по голове чем-нибудь тяжелым, или выбросить мозги... До тех пор, пока не наплевала, решив игнорировать бесполезное желание, упав на диван перед телевизором.

Время словно решило сыграть со мной злую шутку и подлить масла в огонь, растянувшись, как канцелярская резинка. Стрелки двигались ничтожно медленно. Иногда создавалось ощущение, будто они нарочно дразнятся, и если бы у них была возможность показать язык, они бы так и сделали. Тогда я не выдержала. Готовая рвать, метать и одновременно реветь от безвыходности, я кинула в сумку тетрадь (по привычке), схватила ключи от дома, практически выбежав за дверь. Большинство творческих кризисов проходило именно по такой схеме. Интересовало казаться, что что-то здесь не дает мыслям вырваться наружу, усердно блокируя их, и тогда я уезжала.

От Брэдфорда до Лондона три часа на электричке, и такой нюанс, как время, не мешает преодолевать мне 204 мили. На самом деле, дальние поездки расслабляют меня. Когда перед твоими глазами проносятся меняющие друг друга цепочки домов, просторные пастбища со стадами пушистых овец, выющиеся дороги, продавленные в земле годами, то перестаешь беспокоиться, переживать, злость куда-то вдруг улетучивается, и на их место приходит спокойствие. Ты едешь куда-то далеко, в совершенно другой мир, пусть даже если на первый взгляд он, кажется таковым.

В полдень напоминающая муравейник электричка несла меня в Лондон.

После поездки умиротворению наступил конец. Молнейносная электричка въезжала в джунгли, где деревья и луга заменяют стеклянные небоскребы и заасфальтированные дороги. На каждом шагу спешат неизвестно куда люди, натянувшие свои серые шляпы до самых бровей. Пожалуй, большое количество людей стало главной причиной моего переезда. Да, я родилась в большом городе и провела здесь большую часть жизни, но уже подростком понимала, что мне сложно находиться среди этого водоворота длительное время. Конечно, иногда быть в обществе десятков, сотен и даже тысяч людей приятно, а то и полезно, так или иначе, мы все взаимодействуем друг с другом, но все же чаще приятнее находиться в маленькой кампании близких. Мы просто устаем от скопления незнакомых лиц. А есть люди, особенно уставшие. Они-то и выбирают из мегаполисов в пригород или в города поменьше и пригорода, такие, как Брэдфорд.

Мама с папой живут на пересечении Кросс Сан и Пристли стрит в шестнадцатитажном доме на девятом этаже. С самого моего рождения они так ни разу и не переехали, как нередко случается с большинством семей. *Это* наш дом, сказала однажды мама тете Лу. Здесь много чего поменялось после окончания мной школы. Недолго поразивший здесь наверняка бы

не узнал небольшой квартал с высаженными вряд тонкими деревьями меж узорами уличной плитки, но проживший достаточно, чтобы помнить самые незначительные мелочи, увидит старые сохранившиеся черты под толстым слоем новизны.

Возле станции я поймала желтое, напоминающее нью-йоркское такси. До родительского дома еще сорок минут без пробок. Как известно, в Лондоне «без пробок» бывает очень редко. Туманный Альбион пригрело затопившее улицы мартовские солнце. Некоторые представляют лучам свои лица, слегка улыбаясь теплу, наслаждаясь им. Характерная для Англии частая смена погоды вряд ли позволит солнцу долго висеть на небе одному и вскоре, наверняка принесет попутным ветром низкие серые тучи. За окнами проносились застекленные небоскребы, подпирающие те самые тучи, ряды знаменитых брендовых магазинов, красные телефонные будки, множество разномастных рекламных постеров; навстречу плыли двухэтажные автобусы. Возле памятников сновали стайки туристов с брошюрами и фотоаппаратами в руках, фотографируя все подряд на своем пути. Привыкнуть к ним тоже не получилось.

«Лифт временно не работает». Такого рода надпись, прикрепленная к раздвижным дверям, может вывести любого жителя многоэтажного дома из себя. Я была готова лично задуть техников ремнем сумки, когда поднималась на пятый, но, дойдя до восьмого, мысли уже занимало дикое желание присесть. Никогда не любила спорт. И лестницы. Запыхавшись, я еле поплелась до двери и нажала на звонок. Потом снова. Дверь никто не открывал, заставляя меня беспокоиться о том, не ушли ли они, или не случилось чего. Я опять нажала на кнопку с нервным усилием, и, наконец, щелкнул замок. В дверях показалась мама с слегка растрепанными волосами и влажным от пота лбом. Она ни капельки не удивилась моего незапланированного приезда. Может, если бы я приезжала раз в полгода, это стало бы сюрпризом, но в моем случае приезда случаются гораздо чаще. Вокруг светло-карих глаз разошлись лучики мелких морщинок, на губах появилась самая родная во Вселенной улыбка. Я невольно заулыбалась в ответ.

– Кристина, – раскрыла объятия мама. – Снова?

Я кивнула, кладя голову на хрупкое плечо. За маминой спиной видна гостиная, где раскрасневшийся папа пытается перетащить диван к другой стене комнаты.

– Перестановка?

– Захотелось что-нибудь поменять. Как добралась?

– Нормально. Билеты на электричку опять подорожали. Привет, пап!

Услышав мой голос, папа отпустил край дивана, разогнулся и повернулся в нашу сторону.

– Привет, Крис! Как дела?

– Нормально. Ну... не считая творческого кризиса.

– Ох уж эти писатели. Ничего, ты справишься.

Я рассмеялась. Папа часто повторял подобные фразочки насчет писателей, в то время как сам был привязан к нескончаемым цифрам.

– Да уж. Вам помочь?

– Нет-нет, – жестом руки показала мама, пропуская меня в небольшой узкий коридорчик. – Ты устала с дороги, тебе надо отдохнуть. А мы и сами справимся.

Сбросив пальто и сумку, я принялась помогать родителям перетащить несчастный диван. А если со слона на место телевизора. Мы переставили этажерку с цветами, кофейный столик, многочисленные статуэтки и тарелки из путешествий. Мама с папой постоянно спорили, что куда лучше поставить, пока не вступала я и не соглашалась с одним из родителей. Споры превращали их в маленьких детей, а меня – в родителя.

– Мне кажется, вазу лучше поставить в тот угол.

– Нет, там она будет мешать. Лучше рядом с диваном.

– А если подушка упадет и заденет ее? Нет, лучше в угол.

- Тогда *мы* можем задать и разбить ее.
- Ты что, собираешься сидеть в углах? Как ее можно задеть *там*?
- Согласна, лучше в угол. Возле дивана не будет не видно.

И тогда спор прекращался до нового повода. На самом деле, мама и папа редко спорят друг с другом, но иногда это происходит по всяким мелочам, как и у любой среднестатистической семейной пары. Порой мне начинает казаться, что они азартничают, специально начинают пустые споры, чтобы раззадорить друг друга. Со стороны выглядит даже забавно. В душе родители так и остались детьми, внутри они вечно молоды.

Мы закончили вечером, когда на улицах постепенно загорались фонари. Мама разогрела заранее приготовленную картофельную запеканку, пока я наскоро нарезала овощной салат. Простой ужин с маминой стряпней. Сев за стол, вдруг стало ясно, насколько же сильно я скучаю по ней, ужиная в своем собственном доме.

– Ну, – начал папа, дожевывая кусочек хлеба. – как продвигаются дела с новой книгой?
– Нормально, – слабо улыбаюсь ему в ответ. Не хочется говорить о действительности. Согласно ей, дела идут не так уж и радужно... Но, похоже, все и без этого ясно. Родители научены временем читать своих детей.

– Тебе нужно больше отдыхать. В двадцать пять молодежь то и дело не вылезает из клубов, постоянно на вечеринках, в пабах. Хватай Тейлор, и бегите развлекаться, пока есть время. – Отец замолчал, глядя на меня своими блестящими серыми глазами. Что-то еще вертелось у него на языке. – Но ты у нас не такая, да? Клубы не для тебя.

- Ты с детства была немного другой, – подхватила мама.
- Конечно, вещь никому другому не приходило в голову есть гуашь... Разве что Ван Гог¹. Я закатила глаза и забросила в рот маленькую картофелину. Мама рассмеялась.

– Мы с Тейлор бываем в клубах и пабах, когда находим свободное время. Просто с моим графиком оно находится не часто. Обещаю, как только закончу книгу, сразу же устрою себе отпуск.

Они молча кивнули, и на время кухня наполнилась исключительно звоном посуды. Мы энергично жевали, переглядываясь друг с другом и изредка улыбаясь. Между нами словно завязывался мысленный диалог, каждый из участников которого думал, будто понимает других. Тихая семейная атмосфера продержалась таковой недолго.

– Есть кто-нибудь на примете, Крис? – игриво вздернул бровями папа. В последнее время он часто стал задавать такой вопрос, но на деле был очень строг, когда дело касалось парней.

– Не-а. Благородные судари перевелись на Земле, папенька. Мне пока что и одной вполне неплохо. Писатель должен быть свободен.

– Художник, вообще-то. Художник должен быть свободен.

– А кто сказал, что художник – это не писатель? Кстати, мам, дашь потом рецепт запеканки? Очень вкусно!

В воскресное утро мама решила испечь блинчики, игнорируя мои протесты сделать это самой.

– Сиди и жди, – раздраженно рявкнула она после двух моих попыток получить право повара.

Квартира наполнилась нежным тревожащим желудок ароматом. Такой аромат уносит меня в детство, когда ешь еще не успевшие остыть блины, обжигающие рот, вприкуску с большими ложками первичного джема, жидкого шоколада или взбитыми сливками, потому что ты еще и банок и тебя не беспокоит небольшой живот, не подходящий стандартам общества. И вот

¹ Винсент Ван Гог – нидерландский художник-постимпрессионист, чьи работы оказали вневременное влияние на живопись 20 века.

я выросла, уменьшилось количество поглощаемых блинов, джем обобщение заканчивается так быстро, первоначально беспокоить мелочи, по сути, и не особо важные, чтобы чувствовать себя счастливым. Я перестала ощущать себя маленькой девочкой, но это чувство возвращается каждый раз, когда я оказываюсь здесь, в родительском доме.

Мы разговариваем в полголоса, тихо – папа до сих пор спал, в полной мере пользуясь привилегиями выходного дня.

– Как там дела у Тейлор и Тео?

– Нормально. Разъезжают на своих обожаемых «железных скакунах».

– Он так и не сделал ей предложение?

– Нет. Они не хотят спешить, хотя пять лет уже прошло...

– Всему свое время, – фыркнула мама, переворачивая румяный блин. – Однажды мы побываем на их свадьбе. Кстати, недавно звонила тетя Лу, просила передать тебе привет. Ей очень понравилась твоя последняя книга.

Так говорят абсолютно все родственники. Кроме бабушки Шарлотты. Она всегда оценивает вещи объективно и не боится высказывать мысли, какими бы они не были.

– В следующий раз передай ей тоже привет. И спасибо.

Я болтала свисающей со стула ногой, опершись головой о руку и глядя через окно на кипящую жизнь маленькой Великобритании. С такой высоты все кажется игрушечным, от чего невольно возмняешь себя Господом, наблюдающим за жизнью на земле с небес. Солнце ярко освещает одни и те же прикрытые шляпами макушки, и на секунду начинает казаться, будто бы вчерашний день вновь повторяется. Блестят окна, стеклянные сооружения, повсюду разъезжают красные автобусы, дорогие автомобили, на дверях кафе и магазинов висят таблички «открыто»... Однообразие правило Лондоном этим утром, аналогично вчерашнему и завтрашнему дню. Он словно отчаянно пытался что-то исправить, раз, за разом прокручивая все по одному сценарию. Вряд ли у него получится. Вряд ли заполонившие мощеные улицы шляпы когда-нибудь перестанут слегка подпрыгивать, бороздя тротуары.

Мама поставила передо мной тарелку блинов, сообщив, что идет будить папу, а я в это время должна буду налить всем кофе. Бросив последний взгляд на плотную стену из домов, я соскользнула со стула.

В понедельник я вернулась в Брэдфорд. Парк дней отдыха и спокойного сна без сидений перед ноутбуком или бумагой из-за мыслей о книге пошли на пользу. Общение с мамой и папой здорово подняло настроение, и некоторые их шутки до сих пор звучали в голове, вызывая улыбку.

– Почему китайцы не едят палочками, держа их в ноздрях? – спросил папа прогулки вечером, верят в руках китайские палочки. – Так было бы удобнее есть!

Я смеялась вместе с ними, ни разу не вспомнив за два дня о книге или покрасневшей Аманде, в случае несдачи новых глав во время. Они просто забылись, отошли на второй план, давая возможность хотя бы ненадолго глотнуть воздуха. Но сейчас меня ждет работа. Желание начать поскорее писать под воздействием разгоревшегося энтузиазма скорее несет меня домой.

Просунув ключ в замочную скважину, отворяю дверь. В отличие от улицы, тут гораздо теплее и очень душно. Избавившись от верхней одежды, быстро бегу открывать окна в гостиной и на кухне, попутно включив чайник и слегка запылившийся ноутбук.

Нечто щелкнуло внутри, выпустив на волю сотни красок струящегося воображения, требующего немедленно приобрести материальную форму, воплотиться в плод реальности. Творческий кризис – своего рода затишье перед мощной творческой бурей. Я перестала ощущать себя. Только льющиеся строки, смысла которых не понимала на протяжении всего процесса. Скорректирую позже. Каждую клеточку тела переполняли легкость, энергия, идея и знакомая мелодия, в такт которой стучали по клавишам пальцы. Я – композитор, создающий симфонию

из слов и предложений, творец крохотного мира. Я не успевала за мыслями. Состояние, похожее на транс, полностью поглотило меня. Я не могла перестать ухмыляться самой себе, прикусив по привычке кончик языка. В такие моменты чувствуешь бегущую по капиллярам жизнь и веришь в свои силы по-настоящему. Вот такие моменты я люблю больше всего.

3

Человек боится гораздо большего, чем говорит или думает. Проще перечислить все то, чего он не боится. По сравнению со всеми вещами, существами и темными замкнутыми пространствами это будет ничтожно крохотный список. Мы боимся практически всего, от мелочей до масштабных катастроф. Но иногда даже мелочи превращаются в крупномасштабную катастрофу.

В середине недели, где-то ближе к обеду телефон разразился писклявым голосом новомодного хита, жужжа и подпрыгивая на комод.

– Господи... – выходя из кухни с полотенцем на плече, тихо буркнула я. – Алло?

– Кристина, – ничегоневыражающий голос Аманды Стэндфорд прогремел в трубке, и я невольно поёжилась. Иногда мне казалось, что я разговариваю со статуей. Аманде выдержала паузу. – Жду Вас в три часа в моем офисе.

Рука дрогнула. Меня одновременно окатило ведром холодной и горячей воды. Стало как-то не по себе. Перед глазами заскакали обрывки того слишком правдоподобного сна, в котором она кричала, напрягая высеченные из камня голосовые связки. Вспомнились все ощущения: стыд, злость, застрявший в горле ком... Я будто снова попала туда, в офисное кресло из черной кожи.

Наверно, молчание продлилось достаточно долго, чтобы у Аманды кончилось терпение, и она положила трубку. Короткие гудки напомнили мне ритм биения сердца прямо сейчас. Со мной точно расторгнут контракт.

В два часа я нацепила черные джинсы и легкую васильковую блузу, натянув поверх пальто, и пошла на остановку, где в последнюю секунду успела сесть на самый шикарный общественный транспорт. Здесь отвергается понятие «личное пространство» как Бог отвергается атеистом. Ты никогда не окажешься, не задет локтем или сумкой, а если повезет, останешься с отдавленной ногой.

Рядом со мной уселась полная женщина лет сорока с маленьким пучеглазым чихуа-хуа, размером не больше котенка. Противная собачонка безостановочно лаяла на все подряд, еще больше тараша глазенки и дергаясь от собственного лая. Я шумно вздохнула, и та повернула свою голову-болванчик в мою сторону, теперь уже таякая на меня. Лицо скорчилось от пронзительно-противного лая.

– Принц, сидеть, – скомандовала хозяйка псу, но тому, похоже, было глубоко наплевать на ее команды. – Извините, пожалуйста, – виновато протянула она. – Нам осталось ехать всего две остановки.

Я и дама с собачкой натянуто улыбнулись друг другу, а пес в это время переключился на вошедшую в складные двери новую группу людей.

Я пришла в редакцию на десять минут раньше назначенного. Сидящая за небольшим столом секретарша Изабель попросила немного подождать, так как «она беседует с мистером Уолесом». К слову, Альберт Уолес – очередной писатель, как и я, обративший мечту в рутинную работу. Не читала ни одной его книги, но, говорят, он пишет очень даже неплохо о тайнах и убийствах в их кровавых подробностях. Интересно, наше с ним пребывание тут совпадение, или мы оба крупно вляпались и скоро получим отзывы в разделе «рекомендации» в резюме? Я села на двухместный диванчик.

Десять минут длились века. За это время можно было бы сделать кучу всего и прожить не одну жизнь. Я уже пролистала два свежих выпуска «Vogue» и «London Time», а на часах стрелка не сдвинулась и наполовину. Чем медленнее капали минуты, тем больше просыпа-

лась нервозность. Я перебирала пальцы, дергала ногой, грызла губы и ногти, словно ученик перед выпускным экзаменом. Почему-то именно учеником я себя и чувствовала, а Аманда Стэндфорд – экзаменатор, который вот-вот огласит результаты заранее проваленного экзамена. Мертвящее ощущение заваленной работы замораживает все внутри. Изабель кинула на меня вопрошающий взгляд, но когда я подняла голову, она тут же уткнулась обратно в компьютер.

Дверь кабинета распахнулась. Уоллес появился на пороге с бледной кожей и пустыми глазами, словно из него выкачали все цвета и эмоции, оставив одну лишь оболочку. На мгновение он замер. Можно было подумать, будто он задумался. Мне стало не по себе в два раза больше. Теперь я разделяю и чувства Альберта тоже. «Что случилось?» – паниковал внутренний голос. Уоллес, наконец, зашагал вперед, глядя не моргающим взглядом перед собой. Он жутко напоминал зомби. Даже Изабель оторвалась от работы, слегка шокировано провожая глазами мужчину дальше по коридору. Как только писатель детективов скрылся за поворотом, мы переглянулись. Круглые голубые глаза Изабель так и кричали «Мне очень жаль», заранее приговорив меня к той же ужасной участи. Я поднялась с дивана, вдруг наткнувшись на мысль о том, зачем вообще сюда пришла два года назад. Не думаю, что те, кто действительно боится Аманду, скрывают свой страх. Несомненно, это льстит ей. Вот почему она и пользуется своим статусом местной Пиковой дамы. Вот почему в ее присутствии я пытаюсь быть уверенной и бесстрашной.

Я подошла к двери и нажала на ручку. В глаза ударил яркий солнечный свет, проникающий в комнату через огромное окно. Стол со стопками бумаг, полные папок шкафы, крутящиеся офисные кресла... Когда я только пришла в «Пингвин», обстановка была точно такой же. Аманда Стэндфорд стояла возле окна, не соизволив повернуться.

Я откашлялась, а потом как можно увереннее произнесла:

– Вы хотели меня видеть?

– Да, присаживайтесь.

Мы обе почти синхронно сели в кресла.

– Итак, я хотела бы поговорить с вами о вашей книге. Некоторые главы редакция получила позже срока.

Я тяжело сплотнула, надеясь, что она этого не заметила. Чувствуя титаническое давление от самого присутствия этой женщины, становится труднее сохранять уверенный невозмутимый вид.

– Конечно, это минус для установленной даты выпуска книги. В отличие от других, вы пишете медленнее, Кристина. И если бы не качество вашей работы, я была бы вынуждена применить какие-то меры. Ваши главы одни из лучших, поступивших к нам за последние года. От некоторых я даже, честно говоря, осталась под впечатлением.

Стэндфорд говорила с неизменным непроницаемым лицом, и в ее голосе не было ни одной отличающейся эмоцией нотки. Но услышать от нее *такое* – дорого стоит. Я приготовилась к самым худшим последствиям, нос уже начинало щипать от назревающих слез, как внезапно посыпалась манна небесная. В голове не укладывается! Аманде Стэндфорд, женщине, напоминающей характером армейского генерала, понравилась моя работа! Даже о первых двух книгах она не отзывалась даже малой долей сказанного! Я была готова прямо в офисе отплясать безумный танец радости, но возвращение с небес на землю было таким же быстрым, как и полет к ним.

Все же мне не ясно, почему ей понравилось. Да, я старалась писать хорошо, редактировала, исправляла, часами проводила время перед экраном ноутбука... Этого недостаточно. Неужели она не видит? Работа может быть лучше. Она должна быть лучше. Разве Аманда не видит этого? Понятия не имею, за что меня следует хвалить. Я могу трудиться усерднее, делать слова живее. Те страницы могут быть более живыми, более дышащими, чем они есть. Здесь нечего хвалить.

Тем не менее, на губах все равно повисла улыбка. Аманда кивнула, как будто такой ответ ее вполне устраивал.

– Спасибо, миссис Стэндфорд, не стоит...

Она меня не слушала, проигнорировав все сказанное.

– Собственно, еще одна причина, по которой я Вас вызвала: редакция хочет слегка ускорить процесс печати новых книг. Выпуск планируется на июнь, а не на сентябрь из-за большого количества желающих продавать свои произведения. Как думаете, Вы справитесь, Кристина?

Я теряю три месяца. Три драгоценных месяца уходят, а это значит, время для четырех глав пропадет. Придется писать быстрее и лучше, чтобы успеть. Можно будет даже не выходить из дома, убивая дни напролет на написание. Свихнуться можно...

– Конечно, справлюсь.

– Отлично. К пятнадцатому июня книга должна быть завершена и передана в редакцию. На этом все, наш разговор окончен.

После ее слов я сразу поднялась с места, наверно, слишком резко, потому что кресло отъехало назад. Взгляд непроизвольно уперся в кишащий перекресток. Мы обе молчали. Никто из нас не многословен на подобных встречах. Я пытаюсь осмыслить все обговоренное, представляя дальнейшие три месяца усталыми, не высыпающимися, нервными и напоминающими каторгу. Просто необходимо сделать текст достойным в своих глазах. Как же смешно прозвучало, ведь своя работа в своих же глазах никогда не будет казаться идеальной, мы всегда будем видеть больше недостатков, чем достоинств. По чьей-то злобной шутке поджидающая усталость всех месяцев работы уже сейчас обрушилась на меня каменной лавиной.

– И Кристина, – добавила женщина, тормозя меня возле двери. – Постарайтесь успеть.

– Конечно, миссис Стэндфорд.

Идти после встречи домой мне не хотелось. Вместо него я взяла в кафетерии за углом горячий капучино и отправилась гулять по улицам с меньшим количеством людей, заворачивая в небольшие скверы. Который день стояла теплая солнечная погода, выманивающая засидевшихся по домам горожан. В воздухе витал тонкий запах весны и травы. Он усердно перебивал запах кофе, по всей видимости, желая оставаться главным и единственным запахом. На высохших от утреннего тумана дорожках чирикали громкоголосые воробьи. Город дышал в это время года полной грудью. Неторопливо дошагав до середины сквера, я присела на деревянную скамейку, положив локоть на искусно кованый чугунный подлокотник. Немного отпив кофе, я стала наблюдать за бегающими друг за другом по газону детьми. Они радостно кричали и взвизгивали, задевая маленькими ручками своих друзей. Детский хохот наполнил сквер. Сидящие на соседней скамейке мамы, расплываясь в счастливых улыбках, подзывали к себе детей, чтобы поправить сползшие шапочки. Наблюдая за ними, я вспоминала свое детство, вспоминала каково это быть беззаботным ребенком, не знающим о сложностях жизни. В детстве мы так хотим вырасти, и когда вырастаем, понимаем, какими были глупцами. Жизнь взрослого отличается от жизни ребенка тем, что мы перестаем видеть многие вещи и верить в то, чего, как утверждают люди в квадратных очках и с забитыми физикой мозгами, не существует. Люди взрослеют, становясь очередной копией других людей.

Мимо меня пронеслись двое мальчишек в одинаковых зеленых курточках, на мгновение поднимая легкий ветерок.

– Не поймал, не поймал! – кричал первый.

– Поймаю! – пищал ему в ответ второй.

Они сделали круг вокруг раскидистого дерева и вернулись обратно к остальным. Оставшиеся частички напряжения улетучились в легкой атмосфере обычного мартовского дня. Я нередко ухожу просто прогуляться в одиночестве, чтобы расслабиться, подумать, набраться

вдохновения и просто ощутить себя частью чего-то большего. Побывать в гармонии с миром и с самой собой.

По дорожкам сновали и влюбленные парочки, так же ищущие более-менее спокойные места. Парни и девушки мило улыбались друг другу, блестя глазами, сверкая улыбками. Каждый раз, когда я смотрела на них, тонкие иголки вонзались в сердце, пуская тоненькие струйки алой печали. Каждый укол заставлял отводить взгляд на ветвистые деревья, светящуюся от солнечного света траву, плитку под ногами – куда угодно и слегка краснеть. Глядя на них, я ощущала много и одновременно ничего. Многие думают, будто я знаю о настоящей любви мельчайшие подробности, знаю истинные ощущения, не похожие на другие, в то время как на самом деле написанные мной слова в книгах больше похожи на предположения, чем на жизненный опыт. Читатели смотрят на меня с удивлением и задают очевидные вопросы, говорят о правдоподобности. Ничего не остается, кроме усмешки в ответ. Звучит довольно-таки грустно. Вот только смысл грустить, если ты не знаешь, что ждет тебя впереди? Всегда, когда мысли заводят меня в эти утопающие в туманах печали трясины, я стараюсь думать в лучшем направлении

Растопив огонь в камине, я включила телевизор, решив потратить остатки вечера на реалити-шоу и теплый клетчатый плед. Плоский экран телевизора мелькает яркими сменяющимися друг друга картинками. Обычно, по вечерам как-раз-таки и показывают шоу, типа «Топ модель по-американски». Но стоило начать посвящать себя отдыху, как в дверь позвонили. Плотно сжав от досады губы, откидываю одеяло и иду к двери. Дверь только-только приоткрылась, и за ее порогом тут же взорвались громкие приветствия.

– Привет! – вскинули руки Тей и Тео со светящимися лицами. В их руках шуршали два пакета попкорна и несколько подкассетников со старыми фильмами.

На секунду я опешила. Почему-то у меня была твердая уверенность в том, что сегодня они не придут.

– Вечер кино! – объявила Джеймс. – Как раньше, помнишь? Спальники, фильмы всю ночь, разговоры о мальчиках...

– Но, надеюсь, этим вечером мы *не* будем разговаривать о мальчиках, – скривился Рассел.

– Разве только о самых горячих.

Мы разбросали диванные подушки, высыпали попкорн в большие миски, достали старый видеопроигрыватель, читающий CD-диски. После долгих споров и столкновений на пол, диван все-таки заняли я и Тейлор, выселив Теодора на пол. Несколько минут фильма казались довольно интересными, пока Тео не отпустил сначала одну шутку, потом другую – запустилась целая цепочка слегка нелепых шуток, и уже никому больше не казался интересным. Всех затянули оживленные разговоры. Громкий хохот напоминал о том, как мы еще молоды, скольким дверям еще предстоит открыться перед нами. В будничной рутине мы часто забываем об этом. Я видела их счастливые лица, чувствовала свое счастье и вдруг подумала, какой пустой была бы жизнь без них. Без друзей.

Не трудно представить себя без друга, трудно с этим жить. Они, их компания помогает справиться со многими проблемами, делят непосильные для одного вещи с тобой. Друзья – опора, поддержка, источник энергии и вдохновения. Когда счастливы мы – счастливы и они и наоборот. Я безумно рада тому, что у меня есть целых два друга – Тей и Тео – неугасающие лучи тепла с щепоткой своих странностей.

– Кстати, – прервала свой хохот Тейлор. – Звонил Стиви и просил передать тебе приглашение на следующую субботу. А еще просил прощения за то, что не смог пригласить лично. Он слишком занят, а дозвониться не смог.

– В следующую субботу? – подруга кивнула, – Прекрасно. Есть мысли на счет подарка?

– Можно подарить ему корзину аспирина. Она всем понадобится после Единственного Двадцатисемилетия В Жизни.

Мы засмеялись, потому что так оно и есть. Гулянки на праздниках Стивена размашистые на выпивку.

– А если серьезно, то не знаю...

– Завтра можем съездить по магазинам, может, чего найдем подходящего. А что вообще мы дарили ему в прошлом году?

– Мм... Коньяк. Тот дорогуший за триста фунтов, – изогнув губы в дугу, покачал головой Рассел. Тогда он открыто возмущался, что ему таких дорогих подарков мы не делаем, в отличие от Стиви. Он был похож на ребенка, не получившего желаемого.

– О! Видите, как совпало, – подметила блондинка. – Тот год коньяк, этот – аспирин. Все нужные Амеллу вещи!

– Энджела нас убьет...

– Ага! Это она, а не мы, подарила ему на прошлый день рождения кусок хлеба с нарисованной на нем майонезом 26 и обычной свечой сверху!

Вообще-то, девушка Стивена – та самая юморная Энджела Аткинс, подшучивала над всеми не хуже нас. Дай возможность, и она устроит грандиозный розыгрыш! Такой напор активности выдержит на каждый.

– Ладно-ладно, вот завтра что-нибудь для него и найдем, а сейчас давайте смотреть кино, – Тео забросил горсть воздушных зерен в рот. Одна штучка отскочила от уголка губы и упала на ковер. Тео дожевывал горсть и, подняв с пола упавшее облачко, тоже сунул его в рот.

Тейлор заметила это и брезгливо протянула:

– Фу-у! Теодор, тебе сколько лет? Три? Как ты вообще додумался до этого? Кошмар, – а за тем она обратилась ко мне: – И вот с этим человеком я живу уже столько лет!

Парень развернулся лицом к своей девушке и без каких-либо эмоций посмотрел ей прямо ей в глаза. Такой зомбированный вид вызывал жуткие ощущения. Они несколько секунд смотрели глаза в глаза, до тех пор, пока Тео не приподнял миску попкорна в руках и не высыпал все содержимое на пол, все так же не отрывая глаз от Тейлор.

Открыв рот от удивления, я возмущенно воскликнула:

– Тео! Мой любимый ковер!

– Приятного аппетита, девочки трехлетки.

4

К полудню мы уже объехали три больших магазина и так и ничего не нашли. Выбирать подарок на день рождения всегда непростая задача, тем более, если хочешь соригинальничать и отличиться. Наборы разного предназначения, папиросницы всех видов и размеров, прочая мелочь побывала в наших руках, вызывая споры, всего за пару часов. И все же мы все втроем пришли к одному выводу: нужно что-то из ряда вон выходящее, то, что именинник оценил бы и вспоминал потом еще долго.

Мы продолжали ездить от одной торговой точки к другой в поисках той самой особенно-оригинальной вещи, перебирая все пристрастия Стивена, вспоминая, что уже было подарено ему друзьями и родственниками. Увеличивались споры, росло и раздражение каждого из нас. Больше всех нервничала и возмущалась Тейлор, настаивая на поездке в столицу, потому что «в этой дыре нет ничего подходящего», а вот в Лондоне наверняка этого полно. Я и Тео незаметно переглядывались, закатывая глаза лишь по той причине, которая была нам хорошо известна: поехав за подарком в Лондон, Амелл останется без него, в отличие от Джеймс. Новенький «форд» перестал колесить из одного конца города в Брэдфорда в другой после остановки возле мола. Там мы нашли типографический офис, где заказали весьма необычную печать. Такой подарок показался нам идеальным.

В гардеробной Тейлор и Теодора стоял суетливый шум голосов и топот босых ног по холодному, местами потемневшему паркету. От зеркала к зеркалу, на ходу расправляя струящуюся ткань платьев, мы носились словно ужаленные – оставалось три часа до Единственного В Жизни Двадцатисемилетия с учетом дороги.

– Ты не видела мою расческу? – закручивая локоны дымящейся плойкой, выглянула из ванной подруга.

– Эм... – я откинула в сторону кофту, под которой совсем недавно видела расческу. – Вот она. Держи.

Я подала блондинке расческу и продолжила мучиться с застежкой на спине, выкручивая самой себе руки.

– Слушай, – прокряхтела я. – не можешь помочь?

– Четыре, нет, пять прядей, Крис, подожди минутку.

Бессильно опустив затекшие руки, я уселась за туалетный столик, принявшись делать макияж. Карандаш для глаз цвета угля приблизился к веку и только-только собирался коснуться его, как снизу послышался раздраженный полукрик Тео:

– Господи, вы скоро?

Рука дрогнула, и стержень угодил прямо в глаз. Колющая боль вызвала слезу и заставила белок принять болезненно красный цвет.

– Скоро! – разгневанно кричу ему в ответ. Это уже третий раз, когда он спрашивает.

– Мужики как дети... – буркнула Тейлор, выходя в комнату с идеально завитыми локонами. Иногда мне казалось, что у нее врожденный талант делать все вещи идеальными. – Когда заведешь себе такого, приготовься стать матерью приемного ребенка-переростка.

На самом деле отчасти и сама Джеймс порой напоминала ребенка-переростка, так что они оба были друг для друга приемными родителями. Наверно, некоторые детские повадки и капризы на всю жизнь остаются во всех нас. Тейлор застегнула молнию на моем платье, а за тем развернула меня на кресле лицом к себе, выхватывая из рук карандаш.

– Давай я сделаю. Так будет быстрее, иначе Рассел превратится в чудовище.

– Хорошо, что у него есть Красавица, – улыбнулась я подруге, разглядывая ее феерический вид.

Она рассмеялась.

– Скажешь еще! Так, все, закрой глаза и сиди смирно.

Тей легко и аккуратно провела тонкие линии, оставляя маленькие острые стрелочки за границами век. Делая то же самое, я бы потратила те оставшиеся три часа именно на это.

– Волосы так и оставишь? – я кивнула. Заколотые с двух сторон невидимками волосы не будут мешать, и лезть в рот вместе с закусками, как назойливые мухи. – Тогда пойдем.

Цокая изящными тонкими каблуками по ступенькам, мы с переигранной уверенностью спустились, или нет, снизошли к утомленному ожиданием парню. Делая небольшие шаги, вспоминаю, как лет 10 назад, когда мама и папа ненадолго уехали по делам, я отыскала в маминском шкафу винтажные французские черные туфли на широком каблуке, с бантиками и надела их. Они были велики и делали мой рост заметно выше. Я долго вертелась перед зеркалом, воображая взрослую и независимую себя с кучей таких же разноцветных туфель. Мне казалось, что именно туфли делают женщину взрослой.

– Классно выглядите, – подметил Теодор.

– Спасибо! – сделали мы реверанс, и теперь момент принял вид предбальных сборов 18 века.

– Берите куртки и в машину. Нам еще ехать...

– Конечно, Чудовище, – усмехнулась Тей, заговорщицки глядя на меня.

– Что?! – остановившись в дверном проеме, возмутился Тео, не понимая, за что его назвали «чудовищем».

– Ничего, – улыбнулась та и, вытолкнув брюнета за дверь, продолжила: – Иди, давай, а то кто-то там жаловался, почему мы так долго.

Вечеринка по случаю Единственного В Жизни Двадцатисемилетия началась с громкого шума, доносящегося из дома. Стивен всегда любил шумные вечеринки исключительно для близких, и 3 года назад смирившиеся соседи перестали вызывать полицию (а некоторые из них влились в компанию нарушителей спокойствия района). В общем, насколько бы громким не был шум, все в округе осознали бесполезность споров со старшим из сынов Хантера Амелла.

Уже достаточно стемнело, и на небе стали появляться крохотные точки, которые, казалось, мигали в такт громящей мелодии. Подойдя к порогу дома, мы все втроем глубоко вдохнули свежий воздух, прекрасно понимая, какой вечер и какая ночь ожидают нас. Да, мне всегда нравились вечеринки Стиви, потому, что на них никогда не было скучно, но прямо сейчас я вдруг ощутила внезапную усталость и желание вернуться обратно. Меня будто передернуло, будто бы ведро воды вылилось на разожженный костер веселья. Что-то стало не так. Раньше такого не случалось... Может, причина опять же в чрезмерном утомлении работой, ведь большая часть времени принадлежит именно ей? Кажется, сколько бы я не отдыхала от нее, этого никогда не будет достаточно. А может, нужно просто как следует повеселиться? Но я и так пришла сюда повеселиться, а не чтобы недвижимо сидеть в углу дивана. Просто стоит надеяться на такой способ решения проблемы.

Я убрала прядь красных волос за ухо, как постоянно делала, не замечая сама. Лакированная дверь кофейного цвета распахнулась, и показался сам виновник торжества с улыбкой, наверняка превосходящей по размерам экватор. На его смоляной голове красовалась новая прическа с удлиненной макушкой. Он менял их как перчатки и угадать никогда невозможно, какая станет следующей. Пестрящая красными, синими и белыми квадратами рубашка и синяя бабочка на шее буквально вопили о его настроении веселиться от заката до рассвета.

– Ребята! – он бросился обнимать всех по очереди. – Добро пожаловать на Единственный Двадцать седьмой День Рождения В Жизни!

– С днем рождения! – в унисон воскликнули мы, протягивая Стивену запечатанный в оберточную бумагу с динозаврами подарок.

– Спасибо! Вау, а что это?

В то время как Стиви разворачивал свой подарок, мы хитро переглядывались, снимая тяжелые пальто. Мы много гадали на счет его реакции, но никогда точно не предскажешь выражение лица или эмоции получателя. Мы с ребятами затаили дыхание.

– О Господи! – воскликнул Амелл и в следующую же секунду разразился громким пронзительным смехом. Большинство присутствующих с любопытством обернулись в нашу сторону.

Содрогаясь всем телом от смеха, парень (или его уже стоит называть мужчиной?) развернул портрет себя на белом коне со шпагой в руке и с треуголкой на голове ко всем гостям. А-ля Наполеон. Теперь смеялся весь дом, и мы не могли остановиться.

– Вау! Как точно показано, ахахаха! Иисусе, никогда бы не подумал! – вытирая выступившую слезинку в уголке глаза, коснулся своего печатного лица Стивен. – Повешу ее в кабинете.

– Лучше на дверь, чтобы все знали, к кому именно идут, – похлопал по плечу друга Тео.

Гостиная была забита, от чего на секунду показалось, будто бы здесь, по меньшей мере, сотня человек. Девушки были в красивых платьях непохожих друг на друга, мужчины были в рубашках и брюках. Некоторых из них я знала, а некоторых видела впервые. Как только мы вошли в гостиную, то тут же рассыпались по разным компаниям. Комната сияла гирляндами, отражающимися мелкими бликами в стеклянных бокалах искрящегося шампанского, развешенными флажками, прямо как во время студенческих вечеринок, на которых по отдельности были выведены буквы, вместе составляющие громкое «С днем рождения!», кое-где висели цветные шарики. Повсюду мелькали широкие улыбки и звенели голоса, сливающиеся с музыкой.

Я хотела подойти к столу с напитками и взять что-нибудь, но на половине пути меня остановили две девушки.

– Ты Кристина Томпсон, да? – пролепетала одна из них, нарочно сделав свои карие глаза еще больше.

Я криво улыбнулась, слегка растерявшись от внезапности. Мы не знакомы, по крайней мере я не припомню их лиц.

– Да, это я.

– Ничего себе! – радостно запищали они. – Эван говорил, что у Стивена есть кузина писатель, но мы и подумать не могли, что ей окажешься ты!

– Нам очень нравятся твои книги, особенно «Старый зонт». Ты потрясающе пишешь, а твои истории просто невероятны!

– Они вдохновляют!

После этих слов улыбка, наконец, приобрела искренний вид. Самая большая награда для любого писателя – слышать, как созданное им вдохновляет других. Читатели будто делятся с тобой чем-то особенным, вселяют веру в себя и свои силы. Нельзя сказать, что того, что я делаю, не было бы без их поддержки, но оно точно не было бы таким ярким и значимым без них.

– А когда выйдет новая? Мы слышали, что ты пишешь ее.

– Да, это правда, – ответила я ей как можно вежливее. – Обещают напечатать где-то к середине лета.

Они и без того похожи на увидевших Санту детей (их вид смущал меня больше всего), и когда обе громко запищали, я всерьез стала так думать, подавляя странное желание прикоснуться к подбородку и проверить, нет ли там белой густой бороды. Девушки продолжали сыпать градом вопросов, которым, казалось, не было конца.

– Как она будет называться?

– Военная тайна, – я попыталась освежить улыбку, но вместо нее на губах стала играть самая настоящая фальшивка. Дело не в том, что я еще не придумала название, просто с каж-

дым новым их словом я возвращалась к тому, от чего пыталась сегодня убежать. В надежде на спасение оглядываюсь по сторонам в поисках друзей.

– Жаль, было бы круто узнать, – продемонстрировала разочарованность девушка с черными волосами. – Ну, хоть что-то можешь рассказать о ней?

– Хм... Норвегия – место действий и Киран – имя героя.

Девушки оживились.

– Киран... Мне нравится! Это все?

– Пожалуй, да. С радостью бы поделилась с вами нюансами, но я правда не могу, простите.

– Да ладно, мы понимаем.

– Слушай, – стоило свободно выдохнуть, как другая девушка с кольцом в носу опять начала (или она не заканчивала?) – можешь дать автограф?

– Или фотку? – подключилась ее подруга.

Лицо, казалось, закаменело от улыбки, каждый раз тянущейся куда-то вверх. Одна только фотография, и я смогу пойти развлечься с друзьями и забыть о *такой* своей стороне жизни.

– Конечно.

Читательницы встали по бокам, обняв меня своими маленькими, слегка вспотевшими ладонями за плечи, и возникший напротив парень (кажется, это был тот самый Эрик – один из друзей Стивена) нацелил на нас камеру телефона. Сработала вспышка – фото готово.

– Где и чем расписаться? – спросила сразу же я, ведь с собой этим вечером у меня не было даже шариковой ручки.

– Здесь и здесь.

Светящиеся ярче новогодних гирлянд девушки протянули мне алую помаду и подставили крышку смартфона и маленькую сумочку-конверт. Я быстро оставила на них красные следы автографов. Когда-то пришлось специально придумывать роспись для таких вот случаев, чтобы никто не смог использовать подделку моей росписи в корыстных целях, вроде оформления кредита.

Как только со всем было покончено, внутренний голос почти что пропел слова облегчения «Слава Богу!» На секунду я ощутила себя отстрелявшимся солдатом. Быстро распрощавшись с девушками, я лихорадочно забегала глазами по снующей из угла в угол толпе в поисках Тейлор, Стиви – кого угодно, кто не стал бы донимать меня, помог развлечься должным образом.

– Энджела! – я помахала девушке, успешно привлекая ее внимание. Она приветливо улыбнулась в ответ. Сквозь гостей и громоздкий кожаный диван я начала протискиваться к ней в другой конец комнаты.

Внешность Энджелы Уинстон не бывает небезупречной. Стройные ноги, узкая талия, кожа мягкого оливкового цвета, каштановые волосы как в рекламе шампуней (однажды я подумала, что это парик) и рост без малого 1.75. Модель, вот как говорят о таких девушках, но Энджела не была моделью, даже близко к этому не стояла, получив место менеджера крупной кампании сразу же после института. Вряд ли кто-то, случайно пересекшийся с Уинстон, в первую очередь подумает о ее мозгах и красном дипломе. Каждый раз, глядя на нее, я думаю о том, насколько же повезло Стивену с ней. Она отличная британская девушка, но, тем не менее, вспомнив отражение невысокой девушки с веснушками на носу, оставленным на щеке шрамом от кота из детства размером с мизинец, и полноватыми ни в какую не худеющими бедрами, непослушными волосами до плеч пусть такого же цвета, но с красным отличием (пожалуй, цвет волос – единственная вещь, которую я бы ни за что не хотела менять), регулярно возникающую в зеркале, я чувствую скованность. Взяв со стоящего рядом столика бокал, я подошла к Энджеле.

– Кристина, прекрасно выглядишь! – пролепетала мелодичным голосом Энджи. Подражая французскому обычаю, мы обменялись поцелуями в обе щеки.

– Спасибо, ты тоже. Шикарное платье.

Лавандовое платье действительно смотрелось великолепно на отточенной фигуре. На мне оно наверняка напомнило бы неудачную пластическую операцию.

– Как дела? Кампания продолжает благодарить Бога за прекрасного менеджера?

– Перестань, – рассмеялась Энджела. – Наверняка все издательства плачут по такому перспективному писателю!

– Уж не знаю насчет остальных, но, подозреваю, Аманда Стэндфорд точно льет слезы по ночам.

Смех заразил нас обеих заставляя тела слегка содрогаться, точно, пузырящееся шампанское в фужерах. Я мельком взглянула на зал, заметив таких же хохочущих над чем-то Тей и Тео.

– Как думаешь, что Стиви удумает в этом году?

– Не знаю, но это определенно будет нечто грандиозное.

Дело в том, что каждый год на каждое свое Единственное День Рождения Стивен устраивает что-то запоминающееся, ни разу не повторяя одной и той же задумки из года в год. Каждый праздник просто обязан запомниться какой-нибудь выходкой, которую именинник выполняет сам. Например, в прошлом году он завез прямо в дом тренажер-быка, встречающийся в любом заведении с ковбойским уклоном, и продержался на нем почти 15 минут, попутно осушая пинту пшеничного пива. После этого «подвига» ему никто не завидовал... А в прошлом году он пробежался по улицам, полностью покрытый взбитыми сливками (он очень был похож на снеговика) с праздничным колпаком и висящей на груди табличкой «СЕГОДНЯ В УДАРЕ». Поэтому выходка года становилась настоящей интригой вечера для всех. Кроме самого Амелла о ней никто ничего не знал, даже Энджела была в неведении.

Наш разговор продлился недолго. Совсем скоро затихла музыка, и гости затаили дыхание. Виновник торжества залез на кофейный столик посреди заполненной комнаты и поднял обе руки вверх, призывая замолчать и посмотреть на него. Черные волосы уже не были идеально уложены, а на губах играла широкая заговорщицкая улыбка.

– Прошу внимания! Как вы все знаете, ни один год не обходится без особого события, отмечающего его. – В толпе раздалось радостное улюлюканье. – И этот год будет отмечен кое-чем особенным. Прямо сейчас я попрошу всех вас выйти на улицу!

Стиви спрыгнул со стола, гордо последовав к входной двери. Удивленно переглянувшись, остальные потянулись за ним напрямик к подъездной дорожке. Нам с Энджи довелось идти почти что в хвосте и, приближаясь к выходу, мы слышали свисты вперемешку с прочими способами выражения подогревающего интерес удивления. Легкий ветерок вечерней прохлады приподнял в воздух несколько прядей волос. В свете уличных фонарей блестели два длинных и черных как ночь лимузина.

– Ничего себе! – присвистнул возникший рядом Тео. – Я решил, он решил снова продемонстрировать всему Брэдфорду свои розовые трусы.

– Вот это да! – восхитилась тут же находящаяся Тейлор. – Кто-то явно начал взрослеть.

Пробравшись в один из лимузинов, Стивен высунулся из люка на крыше и воскликнул:

– Садитесь, нас ждет шикарная ночь!

Новая волна торжествующего крика оживила засыпающую улицу. С неутихающим гомом толпа распределилась по машинам. Как только лимузины тронулись с места вверх по улице, внутри разгорелось что-то новое, похожее на адскую смесь адреналина, восторга, счастья и предвкушения грандиозного. Как и в доме, здесь громко звучала музыка, шипели бутылки, смешивались голоса, но разница была в том, что сейчас мы неслись по дорогам ночного Лондона – одного из самых прекрасных городов из всех существующих. За окном кипела оживающая ночная жизнь, многие любители этого времени суток надевали свои луч-

шие наряды, выбирались на вечеринки, и теперь город не казался серым и унылым. Он переливался красками вывесок клубов, пабов, зажигающихся оформлений улиц. Я смотрела в окно, чувствуя острое желание высунуться из люка.

– За Амелла! – кто-то смачно стукнулся бокалами, и на ум пришла мысль, не разбили ли они их. Остальные тоже зазвенели, поздравляя именинника десятый раз за вечер.

Я улыбнулась Стиви.

– За тебя, братишка.

Парень ухмыльнулся в ответ, быстро опрокинув стакан.

– Ну, кто хочет наверх? – переполненный энтузиазмом и вином, потер друг о друга ладони черноволосый виновник торжества. Не раздумывая, я вскинула руку вверх, прокричав сквозь «Somebody Else»² «Я хочу!»

– Шикарно, Крис. Прошу!

Прислушиваясь к сладостному стуку сердца, ощущая новую влившуюся в кровь волну адреналина, я, пригнувшись, поднялась с места и мелкими шагами переместилась в центр салона. Прямо над головой зияло прямоугольное окно с кусочком неба. Глядя на этот кусочек, я начала медленно и осторожно выпрямляться, постепенно оказавшись наполовину снаружи. Освежающие потоки воздуха приятно скользили по лицу, развивая и спутывая позади волосы. За мной тянулись тонкие линии уличных фонарей, стирались в яркие пятна подсветки, почерневшие деревья, люди – на скорости мир кажется нечеткой фотографией, размытыми штрихами на огромном бесконечном полотне. Лимузин несся вперед, обгоняя, казалось, само время. Адреналин превратился в нечто другое, более масштабное и значимое – в свободу. С потоками ветра в каждую клеточку тела словно проникала свобода, во всей своей полноте. Первобытная свобода, которой всегда будет жаждать человек, охватила меня в те секунды, растянувшиеся до размеров вечности. Невероятное чувство окрыленности. Я раскинула в стороны руки, пытаюсь хотя бы отдаленно ощутить себя на месте парящей над землей птицы, и прикрыла глаза. Легкие рукава платья поднимались в воздух, безостановочно колышась, чем отдаленно напоминали перья. Я – птица, свободная птица в своем безмятежном полете. В салоне продолжали играть The 1975³, и внезапно возникло желание закричать, чтобы каждый услышал мой клич, понял, что творится во мне прямо сейчас. И я закричала. Так громко, как только позволяли силы: срывая голос, улыбаясь, как безумец, чувствуя облегчение после тяжелого груза последних недель. Внизу послышались слова поддержки и повторяющийся звон стекла. Все вокруг словно менялось. Я смотрела на мир другими глазами, понимая, что видела лишь только поверхностное. В такие моменты понимаешь, что ты больше, чем просто пылинка в необузданном мире. Как бы хотелось продлить этот момент.... Из-за прохладного ветра вскоре стало слишком холодно для оголенных рук и вообще платья. Кинув последний взгляд на несущуюся навстречу ленту дороги, я нехотя вернулась вовнутрь.

Кто-то положил мне на плечо руку. Под воздействием впечатления мне не сразу удалось понять, кто это был. В ушах до сих пор свистели отголоски той непередаваемой свободы.

– Ну, что? Круто, правда? – с широкой улыбкой заглянула мне в лицо Тейлор. С губ никак не сходила улыбка, словно решившая навсегда застыть на лице, внутри щелкнул переключатель, вернувший прежнюю Кристину, Кристину подростка, вечно попадающую в целый ворох приключений, понятия не имеющую о сложностях взрослой жизни. Захотелось забыться хоть на одну ночь. Глаза забегали по салону лимузина и, найдя усилитель громкости, я сделала музыку слышной не только одному городу, но и всем существующим в мире. Все вновь завизжали, торжествуя, вознеся наполненные бокалы

² Песня инди-рок группы The 1975

³ Брианская инди-рок группа

5

Какой же наивной нужно быть, чтобы подумать, будто бы те девушки вот так вот останутся, пока мы находимся в одном доме или хотя бы на расстоянии сотни метров? Полночи прошло в лимузине, наверно, мы объездили все улицы Лондона, и те же часы были самыми веселыми, самыми яркими за весь вечер. Я позволила себе забыться в проносящихся огнях и нескончаемом хохоте, делать все, что угодно и не позволять вспоминать о противоположном. Мы наслаждались моментом, жизнью, и я вместе со всеми до тех пор, пока лимузины не вернулись в исходные точки. Вернулись лимузины – вернулось и все остальное. Тур по нирване окончен, пора вновь очутиться в суровой реальности. Увидев в отражении тонированного окна свои сбившиеся «в гнездо» волосы, я направилась в уборную, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, и очень сильно пожалела, когда открыла дверь ванной на втором этаже. Сильнейшее желание немедленно закрыть дверь, оставаясь незамеченной, ударило в живот, но ничего из этого не вышло, потому что одна из девушек, так, что с черными волосами, сразу же заметила меня, криво улыбнувшись сверкающими от брекетов зубами.

– Наверно, это судьба, – слишком уж медленно протянула она.

Я невольно скривилась. Было в них обеих что-то, что мне не нравилось, и даже отталкивало.

– Очень мило, – заметила я, встав рядом с зеркалом и стараясь как можно быстрее справиться с волосами.

Внутренний голос без остановки ворчал на хитрую вещь, как совпадение, и заодно на меня. Внизу тоже есть ванная, но почему-то именно сюда нужно было прийти. «Интересно, что было бы, если бы мы ехали в одной машине? – проскользнуло в мыслях, – Кто-нибудь из нас точно не выдержал бы...» Я водила расческой по прядям, всеми силами стараясь не обращать внимания на читательниц, в читательских увлечениях которых я начала сомневаться. Вероятно, они могли просто заранее выведать обо мне информацию, поспрашивать у Эвана... Сейчас, благодаря интернету, такая мелочь не стоит практически никакого времени.

– Кристина, не хочешь заглянуть к нам на вечеринку в следующие выходные? Обещаем, будет не хуже, чем у Стивена.

Только этого для полного счастья не хватало.

Натянув самую очевидную фальшивую улыбку, я повернулась к ним и отрицательно покачала головой.

– Нет, простите, у меня все распланировано.

Девушки обиженно насупились.

– Вот же черт... Может, где-нибудь в среду просто сходим в кафе?

– Нет, простите.

– А завтра вечером? – не сдавались они.

– Слушайте, у меня не будет свободного времени ни на этой, ни на следующей неделе, – раздраженно цежу в ответ, но они не слышат моих слов, продолжая гнуть свою линию.

Осознав бесполезность диалога, убираю расческу в сумку и выхожу из ванной, стуком двери обрывая посланную вслед фразу:

– Как насчет воскресенья в...

Шагнув за дверь, случайно сталкиваюсь с каким-то разодетым в ярко-красную рубашку парнем, но он, похоже, даже не заметил меня, удалившись дальше по коридору. Я выдохнула, пытаясь успокоиться. Твое настроение должно оставаться неизменным, твержу про себя несколько раз подряд.

Тейлор, Тео, Энджела и окосевший (возможно и от веселья) Стиви сидели на большом диване, вальяжно сложив все до единого нога на ногу. Они весело что-то обсуждали, и когда я села к ним, внимание всех перевела на меня Тейлор.

– На твоём лице так и царит расслабленность, – заметила она. – Что случилось? Пять минут назад ты прямо-таки сияла, как новогодняя елка.

Четыре пары глаз внимательно нацелились на меня.

Я раздраженно буркнула ответ, отворачиваясь к залу для проверки, не нашли ли меня эти девушки и здесь.

– Ничего... Только собираюсь забыть о работе хоть на день, кому-нибудь или чему-нибудь надо обязательно напомнить о ней.

– Опять те фанатки приставали, – ухмыльнулся Теодор. – которые еще автографы на сумочках просили?

Пождав губы, качаю головой. Удивительно, с какой скоростью состояние переходит от свободного до по уши загруженного. Стресс будто бы специально всегда поджидает удобного момента за углом, чтобы объявиться в самый неподходящий момент.

– Да забей на них! – воскликнул Амелл, хлопнув себя по коленям. – Игнорируй их. Расслабься, сестренка, хоть на остатки дня. Успеешь ты еще раздать дурацкие автографы, – он ухватил пустой стакан и бутылку вина, начав заполнять им сосуд. – Наслаждайся вечеринкой, а мы будем защищать тебя от этих сумасшедших.

Он протянул мне вино, и все остальные радостно завизжали и потянулись к нему своими бокалами. Капли терпкого вина стали разлетаться в разные стороны, когда зазвенело стекло, а остальное согрело желудки.

Стивен прав, нужно наслаждаться вечеринкой и игнорировать все остальное.

Но тяжелый камень с места не так просто сдвинуть.

Я проснулась от покалывания в руке. Видимо, она пролежала у меня под животом всю ночь, и теперь я ее почти не чувствую. Но, по сравнению с бьющим по голове канем, эта боль была менее ощутимой. «Бум-бум-бум» становилось сильнее и намеревалось вот-вот расколоть череп пополам, как грецкий орех, а потом на фоне этой пытки возник еще один сводящий с ума звук – шуршание, передаваемое через десяток больших стерео-колонок. Я недовольно разлепила глаза, тут же закрыв лицо руками. Слишком ярко, будто бы лежу в больничной палате с люминесцентными лампами. «А что вообще вчера произошло? Почему мне так плохо? Помню день рождения Стиви, лимузин как вернулись домой... А дальше все как в тумане. Почему я в больнице?» Паника кислотой разъедала нервы, грудь, сердце, порождая сильный страх. Я судорожно пыталась все вспомнить, подмешивая в пробелы худшие варианты поворота ночи, и, не выдержав такого давления, резко распахнула глаза. Тот же белый свет ударил яркими лучами прямо в них, заставив слезиться. Через силу я заставила себя привыкнуть к нему, убеждаясь, что нахожусь в больничной палате. Сначала проявлялся белый потолок со странным желтым пятном. Несколько секунд разглядывая эту деталь, я попыталась сесть, и, к своему большому облегчению, увидела вокруг себя знакомые обои, кресла и утопающий в мусоре пол. Нахмурившись, я убрала спадающие на лицо волосы. Что-то недовольно хрустнуло под ногой. Отлично, я все еще в доме Стивена.

– О! С добрым утром, несчастный писатель, – позади раздался бьющий по ушам слишком уж бодрый для обитателей этого дома голос. Скривившись, я обернулась. – Ну, что, голова сильно болит?

В руках Теодора был большой черный мусорный мешок, а на лице сияла насмешливая улыбка. Несчастный писатель?

– Что произошло? – мой голос оказался скрипучим, как старая половица, и протяжным, словно стекающий с ложки мед. В горло, казалось, насыпали добрую горсть песка.

Улыбка Рассела стала больше.

– Вчера мы выявили нового рекордсмена по уничтожению алкоголя. Ты что, специально обучалась этому? В чем твой секрет? Даже Стиви под конец стал переживать за тебя!

Из груди вырвался протяжный звук, с которым я упала на спинку дивана. Вот почему голова так болит. Самое худшее из этого то, что я ни черта не помню. Мало ли чем мне еще удалось прославиться за эту вечеринку...

– Эй, все нормально, – тяжелая рука опустилась на плечо. – Мы все понимаем.

Что они все понимают? Я убрала руки от лица и непонимающе посмотрела на парня.

– Ты о чем?

В глазах Тео читалось вселяющее страх сострадание.

– Ну, ты же...

– Черт подери, как это оказалось на потолке?

Голос Тео прервал вошедший в гостиную Амелл. Он с досадой смотрел на потолок, уперев руки в бока, и потом только обратил внимание на нас.

– Как спалось, королева вечера? – насмешливо ухмыльнулся Тео. – На диване лучше, чем в гостевой спальне? – (я сощурилась). – Мы хотели отнести тебя *туда*, но ты почему-то рвалась остаться *здесь*.

– Знаешь, что я понял? Что надо брать в следующий раз на ящик больше пшеничного пива.

Парень сказал это, и они с Расселом в унисон засмеялись. Их смех для меня все равно, что музыкальными тарелками по ушам. Не выдержав, я разозлилась.

– Да что произошло?!

Парни бросили мешки и уселись на диван с обеих сторон от меня, будто готовясь рассказать очень увлекательную историю.

– Ты всех уделала. И мне кажется, сейчас тебе должно быть в миллион раз хуже, чем забитой на ливерную колбасу свинье.

– С чего бы я так... -причина понемногу начала всплывать из темного омуты памяти, осталось дожидаться лишь подтверждения.

Лица Амеллы и Рассела изменились.

– Слушай, Крис, если тебя и правда так достала работа, может, к черту ее? – брюнет подчеркнул серьезность своих слов нахмуренными бровями. Теперь сомнений не было.

– Да нет же, я не хочу бросать работу, просто... – шумно вздыхаю, подбирая слова, – иногда все слишком давит, и это начинает доводить меня.

– Ты устала, – попыток кузен, потеревив меня за плечо. Я коротко кивнула и поджала губы. «Я устала» – пронеслось в голове, оставляя после себя горьковатый привкус правды.

– Просто ей нужно уехать в отпуск.

В комнату незаметно вошли Тейлор и Энджела. Они сели на подлокотник дивана и в кресло. Когда Тейлор была уверена, что абсолютно права, они, прямо как сейчас, пристально смотрела в глаза.

– Отлично, – оглядев всех присутствующих, я всплеснула руками, – у нас собрание Совета по Решению Проблем, да?

– Тейлор права, Крис, тебе нужен перерыв, – поддержала подругу Энжи.

– И немедленно.

– Нет, ребят, мне нужно закончить книгу...

– К концу которой ты сойдешь с ума. Так не пойдет!

Протесты Джеймс были бесполезны. В любом случае я не собираюсь никуда уезжать до тех пор, пока книга не будет закончена. Я снова покачала головой. Подруга закатила глаза, понимая твердость моего решения. Ни с одной с ней спорить, все равно, что кидать горох об стену.

– Из психушки мы тебя вытаскивать не будем, ясно?

– Уверена, что выдержишь 2 месяца?

«Нет».

– Да.

– Хорошо. Сразу же по истечению срока мы ищем, куда тебя отправить.

Родители, друзья – все решили отправить меня, черт знает в какой отпуск. Может, я им просто надоела? Нет, конечно, нет... Они действительно не понимают, и если бы не книга, наверно, я могла бы прямо сейчас сесть в самолет и улететь куда-нибудь в Мексику, даже в таком состоянии.

Я пообещала.

– Ладно, вы все правы... Да, мне нужно отдохнуть, иначе я свихнусь. Обещаю, что как только книга попадет в руки редакции – сразу же уезжаю.

– Прекрасно, – хлопнул в ладоши Стиви. – А теперь, дамы и господа, вперед убирать все эти стаканчики с моего пола. И кто-нибудь знает, как могло вино оказаться на потолке?

6

Когда-то Эдисон сказал: «Гений – это 1% вдохновения и 99% пота», и именно по такому принципу проходили последние 2 месяца. Я работала и практически не покидала дом, даже после усердных аргументированных уговоров Тейлор.

– От такого количество работы твой мозг расплавится!

– Мозги не могут плавиться от работы, Тей.

Наверно, это было самое тяжелое время за весь мой писательский опыт. Мозг действительно плавился, но только в буквальном смысле. Вдохновение часто ускользало от меня в самые не неподходящие моменты, из-за чего я не могла завершить абзац или даже предложение по несколько часов. Из-за этого я сильно нервничала, раздражалась, в результате чего в моем организме точно осталось не больше 1% нервов. В таких случаях я старалась просто писать красиво и неоднобразно. Но были и такие моменты, когда я забывалась, не обращала внимания на внешний мир и сосредоточивалась только на внутреннем, без остатка утопая там. Я полностью погружалась в маленький мир, отдавалась работе с головой и ощущала то, чего раньше не чувствовала. Я просто получала удовольствие от того, что делаю. Такие моменты возмещали все мучения, вот только жаль, что случались они очень редко.

Весна не была мной замечена.

14 июня свершилось чудо. В обед этого прекрасного солнечного дня я написала последнее слово всей новой книги и дала ей незамысловатое название «Подарок судьбы». Книга была официально завершена. Отладка последние главы «Пингвину», я в прямом смысле радостно завизжала, упав на диван. Дни мучений и 99% пота были окончены, и должны были начаться прекрасные деньки долгожданного отпуска.

Схватив со стола телефон, я набрала номер Тейлор. После трех гудков, в трубке раздался полный подозрения голос, словно Джеймс была готова выслушать мои истерики снова (когда черта гнева пересекалась, и я была готова убить кого угодно голыми руками, я всегда звонила ей, изливая накопившееся).

– Да?

– Я закончила! – тут же восклицаю в трубку голосом ребенка.

На другом конце трубки что-то вмиг поменялось, и через секунду последовал радостный визг.

– Ну, наконец-то! Поздравляю! Я уж думала, ты всю жизнь потратишь на нее! Столько времени и нервов! Все, теперь ты будешь планировать отпуск, – быстро тараторила подруга. – Нет, я приду к тебе после работы, и мы вместе начнем делать это!

Иногда мне становилось интересно, успевают ли ее слушать клиенты. После школы Тейлор поступила учиться на туристического агента, и теперь она консультирует и помогает людям определяться с поездками на отдых. Без эксперта по отпускам мне никак не обойтись.

– Хорошо, хорошо, – рассмеялась я, – думаю, нужно это событие отметить. Устроить ужин, например. На выходных. Что скажешь?

– Обязательно! В пятницу?

– Да. Ладно, тогда позвоню маме с папой, чтобы тоже приехали.

– Я так рада за тебя! – снова начала причитать Тейлор. – Ой, мне пора. До вечера, Крис.

– Пока.

Ужин был назначен на 7 часов в пятницу.

Как и обычно, это утро было начато со стука кофейной чашки о столешницу и с новостей о неутомном мире, вот только предстоящий день уже был особенным. Позавтракав, я

начала готовить свои фирменные блюда для ужина, а не новую главу для издательства. Легкая улыбка не желала сходить с моих губ, пусть даже за окном сегодня снова серо. Внутри меня сияло солнце, и ветром проносилась свобода. Я нарезала ингредиенты и пританцовывала в такт звучащей в голове импровизированной мелодии. Моднo было подумать, что в моей жизни произошло что-то очень хорошее. Оно действительно было очень хорошим. Закончить книгу многое для меня значит. Дописав последнее слово «Подарка судьбы», я пообещала себе не кардинально, но изменить жизнь, в особенности в следующий раз пытаться получать удовольствие от написания и не изматывать себя до паранойи.

В дверь позвонили. Вытерев руки о висящий на талии фартук, я поспешила открыть пришедшему гостю.

– Надеюсь, ты еще не начала делать митлоф⁴, потому что у тебя он выходит ужасно, – заявила Тейлор, сразу же, как только перед ней открылась дверь. Может, кто-то другой обиделся бы на нее после этих слов, но меня они заставили рассмеяться.

– Нет, ты как раз вовремя.

– Прекрасно. Мы успеем сделать все до того, как все начнется?

Я кивнула.

– Абсолютно. Если приступим прямо сейчас. Я уже нарезала мясо, так что тебе остается малость поколдовать.

Тейлор радостно хлопнула в ладоши.

– Тогда не будем терять времени. Боже мой, да ты прямо светишься! – заметила она. – Ничего, это ты еще в отпуск не отправилась. Вот найдешь там свое Чудовище, и тогда...

– Наконец, стану Красавицей, – закончила за нее я.

Джеймс толкнула меня локтем.

– Нет же! Ты и так у нас красotka. Тогда ты будешь светиться еще ярче!

– Надеюсь, он не будет вторым Тео, – усмехнулась я. На лице подружки проступило замешательство, поэтому я продолжила: – потому что Тео бросает свои грязные носки возле дивана. И уж еще одного Тео мы с тобой не выдержим.

Лицо блондинки вновь просветлело, и она разразилась хохотом, хлопая меня по плечу.

– Это еще цветочки. Ты не видела, что происходит с его грязными тарелками на столе после обеда.

Хватаясь за животы, мы обе пошли на кухню готовить проклятый митлоф.

Мне нравится, когда все близкие собираются вместе за одним столом. Когда видишь всех с счастливыми лицами, слушаешь разговоры, смех, ощущаешь наполняющую комнату теплоту, чувствуешь единство, силу, дом. Потому что дом – это не какое-то определенное место, обозначенное на карте, а люди, которых ты называешь семьей. Они и есть твой дом.

Взяв все, как обычно, под свой контроль, мама кружила вокруг гостей и стола, предлагая каждому что-нибудь положить на тарелку или налить, хотя я уже много раз просила ее перестать. Все-таки ужин происходит в моем доме и хозяйка здесь, соответственно, я.

– Мама, оставь тарелку бабушки в покое! Она все равно больше ничего не ест.

– А вдруг захочет?

– Она плохо слышит, а не говорит, – бабушка Алисия с туго завязанными на затылке белыми волосами укоризненно посмотрела на маму, – так что сядь, пожалуйста, и наслаждайся вечером. Я сделаю все сама.

Мама кинула на меня взгляд обиженной хозяйки, но, все же, села на свое место рядом с папой, уплетающим митлоф Тейлор с хрустом за обоими ушами.

⁴ Традиционное мясное английское блюдо.

– Подайте кто-нибудь запеченной картошки, пожалуйста, – подал голос с противоположного края Теодор. Я собралась было помочь ему, встав из-за стола, как вдруг мама оказалась в разы быстрее и уже стояла возле миски с картошкой, наполняя тарелку Тео явно большим количеством картофеля, чем он хотел.

– Мама!

– Сиди-сиди, Кристина, мне не сложно.

За столом завязалось два разговора между двумя группами: в женской группе диалог зашел о липасакции и завышенных ценах на качественную косметику (крема якобы от старения). А в мужской – неизменной темой оставался спорт и автомобили с их мало понятными преимуществами. Столовая ни на секунду не утихала, а, казалось, наполнялась голосами и звоном серебра только больше. Дом становился похожим на дом Тей и Тео – сегодня здесь тоже было шумно. Казалось, этим вечером он ожил и стал непохожим сам на себя. Пусть и не вся, но часть моей семьи нашла сегодня время приехать ко мне на ужин, отложив в сторону все свои дела. Для меня такой жест значил очень много, он о многом говорил. Несмотря на сложившееся разделение полов на две разные компании, каждый из присутствующих старался поговорить со всеми, и я старалась поступать так же, тем самым выражая благодарность. Мама, папа, бабушка, Стиви, Энджела, Тейлор и Теодор – эти люди наполняют мою душу теплом и светом, они создают уют в моем сердце.

– Итак, – поднялся из-за стола папа, привлекая к себе внимание при помощи фужера и вилки, – сегодня мы не просто так собрались здесь. Как вы знаете, Кристина, наконец, закончила очередную книгу!

Все дружно захлопали в ладоши, в то время как я улыбалась, краснея от смущения. В это мгновение мне хотелось обнять каждого.

– Кристина, надеюсь, нет, мы не сомневаемся, что и эта книга станет такой же читаемой и прибыльной, как и другие, – продолжал свою торжественную речь папа. – И по случаю такого события, мы хотели бы вручить тебе подарок.

Я удивленно посмотрела сначала на папу, потом на маму, а после на подошедших к ним Тео и Тейлор. Четыре сияющие улыбки осветили комнату. Сердце замерло в ожидании, замерло вместе с ним и тело. Я боялась дышать. Даже представить, что может быть сюрпризом, не хватало воображения. Я и предположить не могла! Папа и Тео вышли из столовой и вернулись через несколько секунд. Теперь единственным звуком было глухое постукивание. Я опустила широко распахнутые глаза к их ногам, и увидела там большой красный чемодан с серыми замками и эмблемой «Samsonite». Это далеко недешевый чемодан!

– Ребята, мам, пап, не стоило, – растрогалась я и принялась их обнимать. – Спасибо большое, он очень красивый.

– Это чтобы ты уж точно сдержала свое обещание насчет отдыха, – усмехнулась Тейлор, держа меня в своих объятиях.

– Уже выбрала куда поедешь?

На самом деле нет. Я ездила на встречи и конференции по работе в Штаты и Ирландию, в Чехию и все, так что было достаточно много вариантов, просто определиться до сих пор не удалось. Я не раз задумывалась над тем, чтобы закрыть глаза и ткнуть пальцем в карту мира.

– Нет, пока что нет, – признаюсь им и сразу же дополняю: – но я обязательно поеду куда-нибудь.

Папа, мама, Тей и Тео молча уставились на меня, заставляя заволноваться. Они будто бы вот-вот собирались отругать меня. Мама подкатила ко мне чемодан.

– Открой его.

Сдвинув на переносице брови, я сделала так, как она велела. Остальные продолжали молчать, с интересом уставившись на чемодан. Зажав между большим и указательным пальцами замок, я осторожно провела его по молнии, образуя черную растущую полосу. С ускорив-

шимся ритмом в груди, разделяю чемодан на две части и в удивлении таращусь на его содержимое.

Билет на самолет в Германию.

– Вот теперь ты наверняка знаешь, куда отправишься.

Из груди вырвался радостный визг. Я почувствовала взрывающиеся в животе, груди и даже в голове пузыри счастья. Черт возьми, билет в Германию! Переполненная эмоциями и восторгом, я вновь набросилась на волшебников страны Оз с крепкими объятиями.

– Спасибо, спасибо, спасибо!

– Тебя ждет отличное путешествие, Крис.

Тот факт, что я сама могла бы купить себе билет, на самолет многое меняет. Если бы я сделала это сама, то не ценила бы предстоящий отпуск даже на половину так же сильно, как начала ценить сейчас. Искренне улыбаюсь, надеясь, что они почувствуют то, что невозможно было выразить словами. В алфавите 26 букв, и составленных из них всевозможных слов не хватит, чтобы рассказать об этом. Я посмотрела на дату. 30 июня.

– Через неделю? – восклицаю неожиданно громко даже для себя. – Но... как же... У меня ведь еще ничего не готово, чтобы ехать!

– Не бойся, у нас есть все документы. Тебе нужно лишь поставить пару подписей и собрать чемоданы.

– А отель?

– Конечно, если хочешь, можешь поселиться в отеле, но мы подумали, что лучшим вариантом будет дом тети Лу.

Ах, да. Я совершенно забыла, что 5 лет назад тетя Лу сразу же после развода переехала в Германию. Неделя. Больше похоже на спонтанное решение, чем на спланированный отпуск. Но иногда спонтанность – самый лучший вариант, верно?

– Хорошо. Отлично, этого времени мне хватит, чтобы собрать все необходимое.

– Прекрасно! – хлопнула в ладоши мама. – Луиза уже ждет тебя!

Неделя пролетела незаметно. Я вся погрузилась в сборы, укладывая аккуратными стопками вещи и бегая по магазинам, покупая все нужное. Новое платье, новая блузка, туфли... Список оказался длинным, и в результате новые вещи составили туристический гардероб. Тейлор с утра до вечера была у меня, обложившись картами, атласами и незаменимым интернетом. Мы потратили уйму времени, составляя список интересных и красивых мест, которые я обязательно должна была посетить. Минимум 3 замка, оформленные в средневековом стиле кафе и книжные магазины, парк аттракционов, музеи искусства и прочие подобные места, заставляющие людей делать сотни фотографий. Но во всем моем путешествии был один большой минус: я еду одна.

– Ты могла бы поехать со мной...

– Прости, Крис, но я правда не могу... – шумно выдохнула Тей. Мы лежали на моей кровати, и я не видела ее лица, но зная ее большую часть жизни, четко могла представить, как с полными сочувствия глазами она поджимает губы. – Босс не дает мне отпуск на месяц раньше. Урод...

– Вот же гад, нам нужно срочно свергнуть его и назначить директором тебя. – Мы рассмеялись, глядя в белоснежный потолок. – И что же я буду делать с тетей Лу в парке аттракционов?..

– Да ладно тебе! Она ведь не настолько старая, чтобы ходить по воскресеньям на лото.

– Да, но...

– Уверена, ты что-нибудь придумаешь. Заведешь себе там друзей...

– Ха-ха, смешно, Тейлор. Вот если бы ты поехала, мне бы вообще никто не нужен был. Только представь, как бы мы отдохнули!

– Крис... Я, правда, не могу поехать.

Настала моя очередь тяжело вздыхать и поджимать губы. Все-таки было обидно, что она не может. Может, тетя Лу и правда не превратилась в любительницу лото за эти 5 лет?

– Ладно. Но когда я вернусь, мы и здесь отлично проведем время. И твой босс не помешает нам.

Мы обе сели на кровати, улыбнувшись друг другу. Я притянула блондинку в свои крепкие объятия, чуть не чихнув от щекотавших нос волос.

– Договорились. Ой, чуть не забыла сказать: привези мне тарелку с изображением Кельнского собора, ладно?

– Ладно, – шутливо закатив глаза, протянула я. Несколько полок буквально ломились от ее тарелок с разных концов света, и если кто-то забывали привезти ей ее, потом она еще долго вспоминала об этом.

Сумасшедшим утром 30 июня Тейлор помогала собирать чемоданы. Это утро действительно было сумасшедшим. Весь дом стоял вверх дном, я носилась туда-сюда, отключая воду, газ, электричество. Сумки, ключи, документы... В конце концов, грудь сжимало странное, сладостное волнение. В глубине души я возлагала большие надежды на эту поездку, хотя даже не знала, какие именно. Периодически останавливая меня на ходу, Джеймс по несколько раз проверяла, все ли я взяла.

– Шампунь взяла?

– Да.

– А зарядку от телефона?

– Ага, вот она.

– Хорошо, про документы не забыла?

– Нет, – пытаюсь скрыть раздражение, рывкнула я, но на всякий случай все равно проверила, на месте ли они.

Год назад я летала в Северную Америку, чтобы провести конференцию (встречу с читателями), и она целых два часа проверяла наличие всего необходимого, притом, что сама забыла положить футболки. Сверху всех вещей я положила пару билетов и застегнула зеленый чемодан. Готово. Я опустила его на пол и выдвинула ручку, сообщая всем своим видом о готовности отправиться в путешествие.

– Давай сюда, – в дверях возник Тео и вежливо забрал чемодан из моих рук.

Я поблагодарила его и повернулась обратно к Тейлор. На ее лице проступала грусть. Девушка опустила голову и, глядя себе под ноги, шумно вздохнула. Глядя на неё, упала духом и я. Мне тоже не хотелось расставаться с ней на целый месяц...

– Это ведь всего лишь месяц, а не вечность, – убежала я кого-то из нас.

– Нет, – закачала головой подруга, – тебе нужно отдохнуть. Ты заслужила этот отпуск. Просто я буду скучать по тебе, Крис.

Я ощутила подкатившийся к горлу маленький комочек, и чтобы не дать ему закончить свое дело, притянула подругу в свои объятия.

– Я тоже буду скучать, Тей. Пиши мне и выходи в скайп каждый день, ясно?

– Вообще-то, это я хотела сказать тебе. А то засмотришься там на немецких мачо и забудешь обо мне.

Я рассмеялась, и лицо Тейлор вновь засияло энтузиазмом.

– Скорее, на Кёльнский собор или замки.

Джеймс закатила глаза, как это обычно делала она, когда понимала, что я отлыниваю от какой-то темы.

– Про открытку не забудь, туристка несчастная.

– Почему несчастная?

– Потому что Кёльнский собор не единственное, на что можно обратить внимание.

– Уже 2 часа, нам нужно выезжать! – кричал откуда-то с кухни Рассел. На этот раз тянуть больше нельзя было.

Мы взяли сумочки, и подошли к двери. Я остановилась у порога и окинула взглядом свой дом, прежде чем выйти и запереть его на целый месяц.

В огромном модернизированном по последнему слову моды и техники аэропорту солидного Лондона царила размеренная суета, присущая всякому британцу. Потоки людей, походящих на косяки рыб, передвигались из одной стороны в другую, образуя очереди, занимая свободные сидения в залах ожидания и местных кафе с вдвое завышенными ценами. Мужчины в твидовых костюмах на любой сезон и время года каждые полчаса поглядывали на дорогие наручные часы, то ли боясь опоздать в особо важное место, то ли просто, чтобы продемонстрировать окружающим свой социальный статус. Самолеты улетали и прилетали, перемещаясь вверх по огромной электронной таблице. Мой самолет должен был прибыть через 30 минут, и чем дольше тянулось (мне так казалось) время, тем чаще я не находила места и занятия, как скоротать его. Болтовня с Тей о сумочке от Шаннель у той дамы в розовом, притопывание ногой, взгляд, перемещающийся по полу, потолку, таблице, по аквариуму в стене... Прошло только половина времени, а я уже сгорела от нетерпения. На самом деле это внезапное рвение уехать как можно скорее приводило меня саму в большое удивление.

– Не забудь передать Луизе от нас большой привет, – уже в который раз напомнила Джеймс. Ее всегда беспокоят подобные мелочи. – И звонить, тоже не забывай.

Я усмехнулась.

– Про такое точно не забудешь.

Девушка улыбнулась, обернувшись в сторону своего парня, и, убедившись, что он сейчас не смотрит в нашу сторону, увлеченный брошюрой «Авиалайнс», заговорщицки придвинулась ближе ко мне.

– Помнишь про наш уговор? – слегка нахмутив лоб, я попыталась вспомнить о каком уговоре идет речь. – Ты привезешь мне немецкого фраера⁵.

Точно! Немецкий фраер... Тот, которого она хотела тайно держать в подвале, «потому что Тео ни разу с момента переезда не спустился туда». К сожалению Теодора, у него жуткая арахнофобия⁶.

На губах выступила такая же переполненная картинная ухмылка.

– Конечно, помню! Светловолосого, «с невероятными глазами цвета тающей карамели» и с мускулами как у Сталоне в молодости. Верно?

– Да, только ты забыла про высокий рост. Не меньше 1.85!

Этот выдуманный образ не звучал впервые и он точно не был выдуманным только что. Тейлор часто начинала описывать не существующего (Но все же, где-то такой есть) парня, чтобы подначить Тео и заставить его сделать что-нибудь в свою пользу или просто вызвать элементарную ревность. Как и любая другая женщина, иногда Джеймс манипулировала своим мужчиной, используя заложенную природой хитрость.

– Я буду с нетерпением ждать! – дважды подряд игриво вздернула бровями блондинка. – Ой! Смотри, кажется, это твой самолет?

Я повернулась лицом к табло, отыскивая номер своего рейса Лондон-Дюссельдорф Действительно, это он и сейчас стоит на второй строчке после рейса Лондон-Майами. Я радостно улыбнулась. Люди в этой части зала ожидания заметно оживились, с оркестром щелчков выдвигая ручки чемоданов. Сладостное предвкушение парящих под огромным самолетом

⁵ Feier – в переводе с немецкого означает мужчина (жених).

⁶ Боязнь паукообразных.

пушистых облаков наполнило щекотанием ребра, и мне захотелось рассмеяться. Осталось совсем немного, прежде, чем эти фантазии станут явью! Каждый раз, летая куда-то, я не могу насладиться видом парящих в паре метров облаков. Они похожи на ожившие детские мечты.

– Рейс номер 197 прибыл в место назначения. Просим пассажиров пройти к посадочному пункту номер 9. Посадка пассажиров будет производиться в течение 20 минут. Повторяю... – доносился из радиоприемников женский голос, отдаляющий каждое слово. Сердце невольно екнуло. Я чуть сильнее ухватила за ручку чемодана, подумав о том, что, наверно, чересчур свечусь. Меня ждет отдых и никакой Аманды Стэндфорд!

– Ну, Крис, удачно отдохнуть! Наберись побольше сил и как следует, отдохни, хорошо? – крепко обняла меня Тейлор, сжимая до такой степени, что, казалось, ей самой стало трудно дышать.

После того, как Тей отпустила меня, следом подошел Тео и осторожно приобнял меня за плечи.

– Покажи им там, как надо пить, – после этих слов мы оба засмеялись. – Только, чур, без нас новых рекордов не ставить!

За это он получил легкий подзатыльник от Тейлор, хотя я продолжала смеяться, понимая его слова как шутку, в отличие от Джеймса. Я кивнула ему в ответ.

– Хорошо-хорошо, обещаю, – Рассел улыбнулся. – Может быть. Пока ребята! Позвоню, как только куплю симкарту!

Помахав на прощание друзьям, подбегаю к контролеру, показывая свой билет.

Что-то так и стучит звонко внутри, что-то шепчет: «Отпуск будет незабываемым!»

Часть 2

«Цветочный супермаркет»

7

– Леди и джентльмены, пристегните ремни безопасности. Наш самолет попал в зону турбулентности.

На табличке над головой загорелся значок «пристегнуть ремни». Самолет затрясло, а вместе с ним и всех пассажиров. Где-то в начале салона заплакал маленький ребенок. Некоторые жутко боятся такого явления как зона турбулентности, особенно те, кто и без этого не в восторге от передвижения по воздуху. Раньше я входила в эти ряды, тряслась первые пару раз перед каждым полетом, чуть ли не впадая в неконтролируемую истерику, но теперь мне ничуть не страшно. Поездки самолетом стали моими любимыми. Они награждают нас за храбрость рискнуть лететь наравне с облаками невероятными видами и ощущениями, которые ты просто не сможешь представить и на тысячную часть, находясь пригвожденным гравитацией к земле.

Самолет медленно парил над белоснежной бесконечностью облаков, находясь между ней и слоем неба цвета голубой глазури. Иногда гладь облаков перебивалась рыхлыми скоплениями – другими, более пышными облаками, из-за которых создавалось причудливое впечатление гор, покрытых толщей тысячелетнего снега. Глядя на них, невольно погружаешься в сказку наяву, где живут ангелы и возвышаются воздушные замки. Горы были такими пушистыми, что казалось, если бы была возможность прикоснуться к ним, то можно было бы почувствовать всю их мягкость.

Иногда, белая толща расступается, и можно увидеть окрашенную в синеватый цвет землю, блестящие от солнца озера и реки, отражающие небо, словно они – его осколки, случайно упавшие вниз. Из-за давления немного болит голова, но это ничего, тот неопиcуемый в полной мере вид стоит таких маленьких мучений. Хотя бы так, хотя бы на несколько часов ощутить себя подобием птицы, парящей над всем миром, пусть даже находясь в огромном металлическом создании и видя все через маленькое окошко, на самом деле бесценно. Паря над землей чувствуешь распирающую сердце и душу свободу и время от времени забываешь дышать. Огромное счастье на пару с легкостью окутывает тебя с ног до головы в этот растянувшийся до маленькой бесконечности момент.

Через час была объявлена посадка, и начали виднеться желто-зеленые лоскуты земли – каждый по-своему исполосованный – расстелившиеся на много миль, от чего мир казался одним огромным стеганым одеялом, укрывающим спрятанное в самых недрах. Микроскопические автомобили, словно клетки крови, бегущие по венам, передвигались по длинным автобанам. С каждой минутой все четче и четче виднелись новые детали, притягивающие беглый взгляд, старающийся уловить как можно больше. Самолет медленно садился, почти что касаясь днищем тянущихся к солнечному диску макушек деревьев.

Вдали уже виднелся аэропорт Дюссельдорфа.

Аэропорт оказался таким же огромным стеклянным муравейником, как и прочие аэропорты. По-современному обустроенный, строго контролируемый, со множеством сувенирных лавок и толпами разномастных людей, прибывших со всех концов света. Выйдя из самолета в числе последних, на секунду я поймала себя на слегка пугающей мысли о дезориентации

среди впечатляющего количества людей, но практически сразу сориентировалась, последовав за остальными пассажирами своего рейса к пункту выдачи багажа.

Доверившись так называемому *стадному* инстинкту и интуитивно двигаясь по указателям (а они были исключительно на немецком!), вскоре я получила-таки обратно свой красный чемодан и вышла в холл, где встречали прибывших. Встав чуть поодаль от входа, разглядываю толпу в поисках знакомого лица. На самом деле тетю Лу я помню плохо. Она редко появлялась у нас, и в последний раз я видела ее пять лет назад, не считая фото. Единственным сведеньем о ее существовании служили чеки в качестве подарка на тот или иной праздник и редкие приветы после телефонных звонков маме. Так что узнать родственницу среди сотен других лиц было не самой легкой задачей.

Я медленно обводила глазами человека за человеком, пытаюсь укротить учащенное сердцебиение и страх, что она тоже не узнает меня. В какой-то момент взгляд упал на поднятый вверх небольшой листок с жирной надписью «КРИСТИНА ТОМПСОН. ГЕНИАЛЬНЫЙ ПИСАТЕЛЬ И МОЯ ПЛЕМЯННИЦА». Ее держала тонкими пальцами женщина со слегка загорелой кожей, на вид чуть старше мамы. Она радостно улыбалась, как обычно улыбаются в ожидании какого-то чуда, и тоже искала в толпе своего гостя. Узкое лицо, чуть изрезанное морщинами, пепельного цвета волосы, худощавое тельце и невысокий рост, немного горбатый нос и стреляющие из стороны в сторону серые глаза – они очень похожи с мамой. Узнав тетю Лу, расплылась в улыбке. Надпись в ее руках заставила меня смущенно рассмеяться. На сердце стало легче, а на душе теплее.

– Тетя Лу! Здравствуйте, я так рада Вас видеть! – Подойдя ближе к женщине, которая, по всей видимости, не сразу заметила меня, воскликнула я. Обернувшись, Луиза словно ожила.

– Кристина! – Она притянула меня в свои хрупкие объятия. – Ты так выросла! Так похожа на отца! Хотя улыбка и глаза у тебя Серены. – Заметила женщина, принявшись рассматривать меня с головы до ног. Я смутилась, но то, как от тети Лу пахло дорогим цветочным парфюмом, в каком-то роде успокаивало.

Аккуратно выскальзываю из объятий.

– А вы остаетесь прежней.

– Ну, перестань! Как долетела? Без происшествий?

– Без. Хотя ходил слух, что из-за сильного ветра могут задержать рейс.

– Хорошо, что этого не случилось. Пойдем в машину. Сядем и будем дальше разговоры вести.

Схватив чемодан и не обращая внимания на мои старательные протесты, тетя Лу поволокла его к напоминающему игрушку мини-куперу такого же красного цвета.

– Тетя Лу, давайте я сама!

Но тете Лу было бесполезно что-либо говорить, и пока мы не сели в салон автомобиля, меня словно и не было рядом. Разгладив хмурую морщину меж бровей, женщина, наконец, завела мини-купер и повернулась ко мне.

– Как мама с папой?

– У них все хорошо. Работают и целыми днями делают дома перестановки.

– Они все так же в Лондоне?

– Да.

– Ну и правильно. Лучше всего там, где ты прожил чуть ли не всю жизнь.

– Вам разонравилась Германия? – Хитро покосилась на нее я.

– Нет. Лондон всегда останется моим настоящим домом, а Кёльн – близкое подобие. Но я не хочу уезжать отсюда. Здесь хорошо, спокойно. Здесь я как дома.

Выслушав тетю Лу, мне стало несколько непонятно, как какой-то другой город или страна могут заменить человеку место, где он родился и вырос. Я была не согласна с ней, но заводить споры после долгого полета совсем не хотелось. Я молча улыбнулась. Через пару минут Луиза

свела эту тему на «нет» и переключилась на новую. Точнее на старую и изъезженную, но актуальную и по сей день – мою работу.

Она спрашивала про новую книгу, о начальстве, о гонораре, издательстве, идеях, вдохновение и, как многие, попыталась убедить меня использовать свою мысль в следующей работе, на что я вежливо и немного шутя, отказывала шаблонным «посмотрим» и «обязательно». Довольная, тетя Лу удовлетворенно откинулась на спинку сидения и, крутя перед собой руль, глядела на бегущую вдали ровную ленту дороги.

Двухэтажные здания, напоминающие кукольные домики пастельных тонов с острыми крышами тянулись сплошной линией вдоль узких улиц. Почти что на каждом шагу росли аккуратно постриженные кусты и деревья различных геометрических форм. Часовни и соборы в завораживающем готическом стиле пронизывали чистое голубое небо своими тоненькими шпилями, тянущимися куда-то бесконечно высоко. Они не портили вид и вовсе не отталкивали своей серой суровостью, а наоборот притягивали, вызывая мелкую дрожь вверх по позвоночнику. Каждая деталь, каждый кирпичик и высеченный из камня ангел сохранили свой первоначальный вид еще со времен королей. Просторные поля время от времени мелькали за окном в перерывах между антишумовыми щитами, в некоторых местах возвышались огромные ветряки, вырабатывающие электричество, поля солнечных батарей... Каждый клочок земли, каждый метр практично использовался, но при этом красота и ухоженность самой природы оставалась нетронутой. Глядя на пробегающий мимо пейзаж, я получала частичку какого-то нового спокойствия, эстетики немецких земель.

Через несколько минут после прибытия в усеянный разнообразными архитектурными произведениями Кёльн мы свернули на узкую улочку, залитую солнцем и жутко напоминающую чистенькие улицы из фильмов.

– Вот и приехали.

Перед нами появилась белоснежная дверь гаража с коричневой крышей. Двигатель миникупера заглох, и тут же распахнулись двери. Дом Луизы Вэйланд был таким же, как и множество других встречающихся по дороге типичных для Европы домов. Выгрузив чемодан, мы прошли вовнутрь. Чувствуй себя как дома, переполненная радостью, пролепетала тетя Лу. В идеально прибранной гостиной не наблюдалось и намека на пыль. Оформленная в бежевых тонах с серыми диванами и бордовыми прожилками в обоях, граничащая с такой же бежевой кухней. Чуть дальше виднелся коридор с белой дверью напротив арочного проема, вероятно, ведущей в спальню. Первый этаж смотрелся более, чем гармонично, светло, с преобладанием минимализма и немецкой чистоты. Такой дом был в самый раз для живущей в одиночестве женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.